

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Алексей КАЛУГИН

КОНТРОЛЬ

Сезон Катастроф

Алексей Калугин

Контроль

«ЭКСМО»

2015

Калугин А. А.

Контроль / А. А. Калугин — «Эксмо», 2015 — (Сезон Катастроф)

Стратфорд-на-Эйвоне – маленький городок в центральной Англии, ставший местом паломничества туристов по той причине, что здесь родился Уильям Шекспир. Пространственно-временной разлом, открывшийся в центре города, не повлек за собой никаких катастрофических изменений, но... Неожиданно все жители города оказались в мире собственных фантазий. Как оказалось, ничего интересного в выдуманной реальности нет, зато полно смертельных опасностей. Разобраться во всем этом предстояло Томасу Шепарду, которого обыватели считали больным на всю голову...

© Калугин А. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Разлом Восьмой. Зона 36. Великобритания. Уорикшир. Стратфорд-на-Эйвоне	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	50
Глава 11	52
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Калугин

Контроль

© Калугин А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Разлом Восьмой. Зона 36. Великобритания. Уорикшир. Стратфорд-на-Эйвоне

Глава 1

Ветка стучит в оконное стекло.

Мерно, как метроном, способный довести до безумия своей педантичностью.

Том давно проснулся, но ему страшно не хочется вылезать из-под одеяла и открывать глаза.

И это не образное выражение.

Тому действительно страшно.

Чертовски страшно.

Том не помнил, кто он такой.

Ну, то есть, не так, чтобы вовсе уж ничего не помнил. Но все его воспоминания были фрагментарными, неполными, обрывочными. Плохо стыкующимися друг с другом. Как будто он все это позаимствовал из разных книг, кинофильмов, из чужих разговоров, подслушанных на улице.

– Меня зовут Томас Шепард, – шепотом, едва слышно забормотал он. – Мне двадцать семь лет. Я нигде не имел постоянную работу. Я люблю читать книги и писать всякую ерунду на чужих страничках в интернете. Из-за этого у меня уже были проблемы с полицией, и дядя Боб запретил мне пользоваться компьютером. Но я починил старый ноутбук, который выбросил в мусорный бак мистер Венритас. На харде остались пароли для вай-фая, и теперь я, когда захочу, подсоединяюсь к его сети. Не думаю, что это плохо, потому что мистер Венритас целый день на работе, а жена его только телевизор смотрит. Так что интернет целый день никому не нужен. Я работаю в сети под ником vikontbd. Скажете, странный ник? Да ничего подобного!..

Разговаривая с самим собой, Том приходил в себя. Фрагменты воспоминаний постепенно складывались в единую картину.

Это был проверенный способ. Том его еще в детстве придумал, сам. Тогда у него порой случались внезапные провалы в памяти. Как правило, они быстро проходили. Но врачам это очень не нравилось. И то, что Том разговаривает сам с собой, стараясь таким образом купировать приступ паники, они тоже не одобряли. Они считали, что все это проявление болезни Тома.

А доктор Робертс говорил, что это хорошо, что это правильно. Если уж в голове у Тома живут сразу несколько личностей, то они должны уметь общаться между собой. При этом он смотрел на Тома так, будто ждал, что он начнет с ним спорить. И не просто ждал, а хотел этого.

Но Том просто не обращал внимания на то, что говорили врачи о множественности его личностей. Он к этому привык.

У него в голове жил только один человек – Том Шепард. Во всяком случае, сам он никого больше там не встречал. Да и как несколько разных людей могут уместиться в одной голове?

Этого Том не мог взять в толк.

Все случаи проявления множественности личностей, про которые ему доводилось читать, казались Тому ну абсолютно нереальными. Возможно, их придумывали сами пациенты. У них почти всегда имелись на то причины. Одни таким образом пытались избежать виселицы, другие старались привлечь внимание к собственным проблемам. И не исключено, что помогали им в этом врачи, которым ну очень хотелось поработать с необычным пациентом, а потом описать этот уникальный случай в научном журнале.

Поскольку доктор Робертс всегда выступал на его стороне, Том никогда с ним не спорил. Ну, или почти никогда. В конце концов, мистер Робертс был настоящим, хорошим врачом, а значит, ему было виднее, в чем причина недуга Тома Шепарда.

Все вокруг знали, что у Тома какой-то недуг. И относились к нему соответственно – как к недужному.

Сам Том себя больным не считал.

Ведь если ты болен или недужен, то должен испытывать какую-то боль, страдание. Ну, или, по крайней мере, неудобство. Это точно! А Том себя отлично чувствовал. Целый день, с утра до вечера.

Ну, разве что только за исключением того случая, два года назад, когда у него вдруг жутко разболелся зуб.

Но такое ведь со всяким случиться может.

Больной зуб – это ничего страшного.

Вон у мистера Ормонда вообще зубов не было – обе челюсти вставные.

Точно, точно!

Том видел, как он их изо рта вынимает.

Картинка – жуть! Будто из фильма ужасов!

А мистеру Ормонду хоть бы что. Жил, ни на что не жаловался. Пока вдруг не помер. Так ведь не из-за больных же зубов.

– Я закончил школу и художественный колледж, – Том говорил уже почти в полный голос. – Согласитесь, не всякому такое по силам. Так ведь?.. Но все вокруг все равно считают меня недоумком... Вернее, считали... Пока все это не началось... А сейчас никого рядом нет... – Том осторожно выглянул из-под одеяла. – Очень хочется в это верить...

Том окинул взглядом комнату, насколько это было возможно. И никого не увидел.

Том приподнял одеяло повыше.

Теперь ему была видна почти вся комната.

И похоже, что кроме него в ней действительно никого не было.

Отлично. Полдела сделано. Теперь оставалось только разобраться с самим собой.

Том вытянул из-под одеяла руку и поднес ее к глазам.

Так.

Обычная рука с пятью пальцами.

Уже здорово.

По крайней мере, теперь можно с уверенностью сказать, что он – человек.

Хотя...

Том сел на краю кровати и посмотрел на прижатые к полу ступни ног.

Ноги тоже самые обыкновенные.

И пижама в сине-красную полоску тоже его.

Том осторожно ощупал лицо руками.

Провел ладонью по коротко стриженным волосам.

Он не готов был спорить больше чем на десять фунтов. Потому что больше у него не было. Но в пределах этой суммы он был почти уверен в том, что он – это он. Томас Шепард. Единственный приемный сын Роберта и Маргарет Шепард. То есть вообще единственный сын, но не родной, а приемный. Хотя, конечно, как говорят русские...

Стоп! При чем тут русские?

Он что, был русским в одной из своих прошлых жизней?

Почему он тогда не помнит ни слова по-русски?..

Хотя нет, одно слово по-русски он все же помнит: «пэ-рэ-строй-ка».

Очень странное слово.

В конце прошлого века его знали все. И повторяли, словно заклинание, которое должно было заставить русских перестать идиотничать и искать на своей территории Пуп Земли.

И, что любопытно, поначалу оно почти подействовало!

Правда, потом русские снова слетели с катушек и принялись долдонить о своем особом пути и великой миссии, о тысячелетней культуре и традиционных ценностях. Потом поперли на Украину, захватили Крым...

Ну а потом грянул Сезон Катастроф, и всем стало вообще не до русских с их извечным комплексом неполноценности, помноженным на манию величия.

Да нет, русские здесь совершенно ни при чем!..

Том сосредоточенно потер пальцами виски.

Точно!

Вчера, добираясь в указанное место, он вдруг услышал голоса и увидел идущих по улице людей. Они шли не торопясь, не соблюдая никакой осторожности. Как будто изучали достопримечательности города. В Стратфорде-на-Эйвоне есть на что посмотреть. Но не в такое же время!

Том быстро забежал за угол, распластался по стене и включил режим мимикрии...

Что?..

Том сосредоточенно сдвинул брови, пытаясь вспомнить, кем же он вчера был?..

– Это нормально... Абсолютно нормально... – быстро заговорил Том, одновременно механическими движениями поглаживая себя ладонями по бедрам. – Все в порядке... Все хорошо... Точно, точно... Все так и должно быть... Это не амнезия и не провал в памяти. Просто я должен снова стать самим собой...

Память возвращалась не сразу – и это был, пожалуй, самый неприятный момент.

Во всяком случае, Тому это страшно не нравилось.

Он чувствовал себя глупым и беспомощным.

Как в первый миг рождения.

Скажите, так не бывает?

Ни один человек не помнит себя в первый миг рождения?

А вот Том помнил!

Вернее, он вспомнил об этом однажды.

Время от времени Том вспоминал о себе что-то такое, чего никогда прежде не помнил. И даже не знал, потому что никто ему об этом не рассказывал.

Но до тех пор, пока память оставалась неподвластной ему, Том испытывал состояние мучительной беспомощности. Тому казалось, что он сам себя ненавидит, хотя, опять же, совершенно непонятно: за что?

Ладно, значит, он слился со стеной и сделался невидимым.

Что потом?..

Потом мимо него прошли четверо в полувоенной экипировке. С огромными рюкзаками на спинах. Все четверо – при оружии...

И они говорили по-русски.

На шеях у них висели прозрачные пластиковые маски в черной окантовке с круглыми коробками биофильтров.

– Проклятье, откуда здесь русские?..

– Они тоже игроки.

Вздвигнув, Том резко повернулся на голос.

В дверях, сложив руки на груди, стоял человек, с ног до головы будто облитый тонким слоем эластичного пластика серого цвета. Даже вместо лица у него была серая маска без глазных отверстий.

– Мы договаривались, что ты не станешь забираться ко мне в голову!

– Ты задал вопрос вслух.

Том растерялся.

– Да?..

– Это нормально, – заверил «серый». Совсем как доктор Робертс. – Разговаривая с собой, ты учишься лучше себя понимать. Ты ведь знаешь старую присказку насчет того, что в начале было Слово.

– Я люблю читать, – кивнул Том.

– Я знаю.

Том взял со стола книгу и показал ее «серому».

«Игра в бисер».

– Расскажи о впечатлении, – в своей обычной манере не то попросил, не то потребовал «серый».

Том смущенно пожал плечами.

– Я не все в ней понял.

– Многие вообще ничего в ней не понимают.

– Я люблю книги, в которых не сразу все понятно. Некоторые я потом перечитываю.

Снова и снова.

– Потому что они непонятные.

– Нет. Потому что они мне нравятся.

– Ты принес пакаль.

– Точно! – вспомнил Том. – Пакаль!

Он сунул руку в карман пижамной куртки – там ничего не было. Запустил руку в другой карман – там лежал только носовой платок.

Том озадаченно хмыкнул и, наклонившись, выдвинул ящик письменного стола.

В ящике лежало много занятных вещей.

Например, пакаль с изображением головы единорога.

И еще один – с лодкой под парусом.

Но пакаля, который он нашел вчера, там не было.

– Посмотри под подушкой, – посоветовал «серый».

Том откинул к стене подушку в розовой наволочке, на которой были нарисованы белые перышки. Если, глядя на нее, расфокусировать взгляд, кажется, что перышки парят в розовом тумане.

На такой же розовой с перышками простыне лежала квадратная металлическая пластинка размером с ладонь.

На пластинке была вырезана морская раковина, изящно закрученная в тугую спираль, с гребешком вдоль устья. На научном языке этот гребешок называется колумеллярной губой.

Пакаль.

Так называл эти пластинки «серый».

Третий пакаль, найденный Томом с того момента, как все началось.

Том положил ладонь на металлическую пластинку.

Он больше не был беспомощным и глупым, как новорожденный младенец.

Он вспомнил все.

Да.

Глава 2

Все началось четыре дня назад.

Двадцатого сентября.

В воскресенье.

Примерно в пятнадцать тридцать пять.

Дом Шепардов выходил фасадом на Гринхилл-стрит. Если выйти из дома, перейти улицу и немного пройти в сторону центра, то окажешься перед Музеем плюшевых мишек Тедди. Возле него всегда много туристов с детьми. Том, когда был маленьким, и сам подолгу простаивал у его застекленных витрин.

Выглянув в окно, выходящее на задний двор, можно было увидеть сад, чуть пожелтевшую крону старого вяза и уголок безумно-голубого неба.

За окном ярко светило солнце.

В начале осени порой случаются-таки ясные, солнечные дни. Когда все выглядит так, будто мир родился заново и все предметы еще не до конца обрели свое материальное воплощение, а потому кажутся полупрозрачными.

Как правило, такая погода держится не больше недели. После чего начинаются затяжные дожди.

Ну, так ничего не поделаешь.

Осень.

Том сидел в кресле в гостиной на втором этаже.

Перед ним стоял включенный телевизор, на коленях лежала раскрытая книга.

Телеканал «Дискавери» показывал новый фильм о Тунгусском метеорите. Ведущий с благородной сединой в висках, изображающий маститого ученого, тщетно пытался как-то увязать это давно уже канувшее в Лету событие с тем, что происходило сейчас.

Как утверждал сосед Шепардов мистер Венритас, Сезон Катастроф стал новым модным трендом, поэтому теперь с ним все пытаются увязать. Даже в «Макдоналдсе» недавно проводился тематический месячник «Сезон Катастроф», во время которого можно было попробовать «Разлом-бургер» и «Апокалиптический ролл». И тот и другой, по мнению Тома, оказались не лучше обычного чизбургера.

А дядя Боб рассказывал, что в пабе на углу Ротер-стрит стали наливать пиво «Катастрофа». Хотя лично он был уверен, что это все то же местное пиво, прежде называвшееся «Королевским». Однако после переименования оно стало стоить на двенадцать пенсов дороже.

Из чего следовало, что умение воспользоваться модным трендом заключалось в том, чтобы продать то же самое, что и прежде, но уже под новым названием и по более высокой цене.

В фильме «Тунгусский метеорит: начало Сезона Катастроф?» не содержалось никакой новой информации. А попытки выдать событие более чем столетней давности за первое предвестие Сезона Катастроф выглядели ну просто чудовищно нелепо!

Том продолжал смотреть фильм только потому, что любил самые разные таинственные, загадочные и необъяснимые истории. Будь то рассказы о привидениях или космических пришельцах – все равно.

Книга, которую Том читал под таинственный полусшепот ведущего, была куда как интереснее.

Книга называлась «История китайской философии».

Тому не все в ней было понятно, но он как раз любил такие книги, которые с первого раза не поймешь.

Тете Мэгги не нравилось, когда Том читал и одновременно смотрел телевизор. Она уверяла, что так он только попусту тратит время, поскольку упускает и то, и другое.

Но Том ничего не упускал.

Он мог бы при этом еще и в интернете рыскать, но нельзя было допустить, чтобы тетя или дядя увидели ноутбук, который Том прятал в своей комнате под кроватью.

Сколько Том себя помнил, он всегда умел делать несколько дел одновременно. И ему не приходилось прикладывать для этого какие-то особые усилия. Для него это было совершенно естественно. Так же, как опытному шоферу ничего не стоит вести машину, слушая при этом радио и болтая с пассажирами.

Том старался без нужды не демонстрировать это свое умение, резонно опасаясь, что оно может быть истолковано как еще одно проявление его болезни. Какой-нибудь новый врач запросто мог решить, что всю работу за Тома выполняют те самые подозрительные личности, что якобы сидят у него в голове.

Том вообще не любил врачей.

За исключением доктора Робертса.

Все, что бы с ним ни происходило, о чем бы он ни рассказывал, даже его сны и мечты врачи непременно старались связать с его болезнью.

Примерно так же, как канал «Дискавери» пытался притянуть Тунгусский метеорит к Сезону Катастроф.

Да, в детстве Том действительно очень сильно ушиб голову.

Да, после этого он почти месяц не приходил в сознание.

Ну так что же, теперь его из-за этого всю жизнь будут считать больным?

И не просто больным, а больным на всю голову!

Между прочим, это похуже, чем остаться без ноги.

К калеке ведь все равно относятся как к нормальному, полноценному человеку.

А с Томом все обращаются как с ребенком. Несмотря на то, что ему скоро тридцать.

Единственным недугом, которым Том действительно страдал, были мучительные головные боли, которые временами накатывали на него.

Боль бывала такая сильная, что Том не то что смотреть телевизор – даже думать ни о чем не мог.

И никакие лекарства не могли ее снять.

Только однажды доктор Робертс сделал ему укол, от которого боль очень быстро прошла.

Но, когда Том попросил мистера Робертса прописать ему это лекарство, тот ответил, что это очень сильный и мало изученный препарат, применение которого может иметь серьезные побочные эффекты. Поэтому в следующий раз он сам, если сочтет нужным и возможным, снова сделает Тому укол.

А без него – ни-ни!

Он даже название лекарства Тому не сказал.

Но в следующий раз, когда Тома снова настиг приступ головной боли – а случалось это примерно раз в три месяца, – доктор Робертс отказался использовать чудодейственное лекарство.

И в следующий раз, еще через три месяца, он снова отказался сделать Тому укол.

Когда же во время очередного осмотра Том посетовал на то, что мистер Робертс не выполнил своего обещания, тот отвел взгляд в сторону и сказал, что у него больше нет этого лекарства и вряд ли он сможет снова его достать.

Да, так вот, эти самые периодически возникающие головные боли были единственным последствием той злосчастной аварии, в которой пострадала голова Тома.

По крайней мере, сам он других не ощущал.

Врачи же считали иначе.

Они дружно решили, что головные боли носят соматический характер. Ну, вроде как Том сам их придумал. Следовательно, каких-либо физиологических последствий от них быть не может.

Зато они постоянно твердили о диссоциативном расстройстве идентичности.

Как выяснил Том, покопавшись в медицинских справочниках, на научном языке это как раз и означало, что в его голове живут несколько разных личностей.

Поначалу Том старался переубедить врачей.

Сам-то он точно знал, что кроме него в его черепной коробке никто больше не прячется. Просто у него развитое воображение и богатая фантазия. И ему порой хочется побыть кем-то другим.

Тем же самым занимаются все дети – это и есть основа любой игры. Только дети быстро забывают своих придуманных героев, когда на смену им приходят новые.

Том с детства имел привычку все начатое доводить до конца. Как сказали бы взрослые – до логического завершения.

Придумав себе некий образ, он постоянно работал над его развитием, стремясь довести до совершенства.

От некоторых он со временем избавлялся – когда чувствовал, что образ не складывается и личность получается вялая и невыразительная. Но другие, особенно удачные, оставались с ним надолго. И даже продолжали развиваться, если Том находил время, чтобы уделять им внимание.

Это была необыкновенно увлекательная игра, которой можно было предаваться где угодно, в любое время. Даже во сне.

Игра, и не более того.

Том как мог, изо всех сил старался объяснить врачам правила этой игры.

Но в конце концов убедился, что это бессмысленно.

Врачи видели только то, что хотели видеть.

Такая, видимо, у них была работа.

В Томе они видели прежде всего пациента с весьма необычным заболеванием.

Как утверждала медицинская энциклопедия, которой пользовался в своих изысканиях Том, диссоциативное расстройство идентичности являлось крайне редко встречающимся заболеванием. И врачам, работавшим с Томом, конечно же, хотелось всесторонне изучить это уникальное заболевание.

Тому же оставалось только смириться.

И продолжать жить так, как он жил.

Со временем он даже начал подыгрывать врачам, изображая ту из своих придуманных личностей, с которой врачу интересно было общаться.

Особенно хорошо ему удавался Инопланетянин Кранк.

Том не только придумал историю жизни Кранка на его родной планете Уан-Си и то, как он попал на Землю, но и разработал уансианский язык, на котором мог разговаривать. Кранк неплохо, хотя и с заметным акцентом, говорил по-английски, но временами, особенно начиная нервничать, переходил на родной язык.

Врачей это приводило в восторг. Который тетя Мэгги почему-то называла телячьим.

Тому не составляло большого труда угадать, что именно хочет услышать от него врач. Особенно после того, как он позаимствовал парочку книг с полки в кабинете доктора Розмана и ознакомился с их содержанием.

Главным, как понимал Том, было убедить врачей в том, что ни одна из его придуманных личностей не представляет собой угрозы ни для него самого, ни для окружающих.

Это оказалось не так-то просто.

Три года Том провел в клинике.

Не сказать, что там было очень уж плохо, но все же это было определенным ограничением свободы, с чем Тому был трудно мириться. В особенности это касалось нехватки информации, которая была столь же необходима для него, как пища и вода.

В клинике имела неплохая библиотека. Но заведовавшая ею сестра Дженис строго придерживалась правила, что детям полагается читать только детские книжки. И лишь изредка Тому удавалось отвлечь внимание сестры Дженис, которая вообще-то была не очень собранная, и прихватить из библиотеки что-нибудь действительно стоящее.

Телепередачи детям полагалось смотреть также исключительно детские. И Тому приходилось их смотреть, поскольку он хотел убедить врачей в том, что ему так же, как и остальным его сверстникам, безумно нравится наблюдать за приключениями глупых прыгающих мишек. Именно так он научился, глядя краем глаза в телевизор, читать книгу, что лежала у него на колене.

Потом его забрали к себе Роберт и Маргарет Шепард.

Фамилия у них была такая же, как у Тома, хотя дядя Боб приходился лишь троюродным братом отцу Тому.

Папа с мамой погибли в той самой злосчастной аварии, в которой Том лишь ушиб голову.

Возможно, у Тома имелись более близкие родственники. Но он если и был с ними знаком, то за три года, проведенных в клинике, успел позабыть. Так что, в принципе, ему было все равно.

А у дяди Боба и тети Мэгги была такая же фамилия, как у него. И у них не было своих детей.

Так и случилось, что Том поселился у четы Шепардов, проживающих в Стратфорде-на-Эйвоне – милом маленьком городке неподалеку от Лондона.

Шепарды оказались очень хорошими людьми. Они относились к Тому, как к родному сыну. Вот только врачам все же удалось убедить их в том, что Том серьезно болен. Поэтому в школу они его решили не отдавать. Тетя Мэгги сказала, что сама займется его домашним обучением.

Собственно, Том ничего против этого не имел. Ознакомившись с полугодовым планом школьной программы, Том понял, что в школе ему было бы скучно. Большую часть того, что предполагалось там изучать, он уже знал, а остальное было ему неинтересно.

Пройдя полный курс домашнего обучения, Том Шепард в положенные сроки успешно сдал выпускные школьные экзамены. После чего поступил в Колледж искусств, где изучал историю живописи и литературы.

Устроиться на работу после колледжа Тому не удалось. У работодателей всегда находилось множество причин для того, чтобы отказать ему. Хотя, очевидно, главной, а то и единственной причиной была та, которая как раз не озвучивалась, – его диагноз.

Насмотревшись дурацких фильмов про людей с множественным расщеплением личности, потенциальные работодатели были уверены, что Том непременно устроит на рабочем месте кровавую резню. А может быть, сотрудники станут исчезать таинственным образом. Один за другим, один за другим...

В конце концов Том махнул на все это рукой.

Государство было готово содержать его за свой счет – Том решил не сопротивляться.

Он без проблем оформил медицинское пособие и перестал думать о поисках работы.

А на вопросы доктора Робертса, который время от времени интересовался, не собирается ли он снова попытаться устроиться на работу, Том отвечал скрипучим голосом пришельца Кранка:

– Мая... вероисповедания... не позволять... мая... работать... на чужой... раса... Мая – не рабы... Рабы – не мая... Мая... есть свободный... уанси... уанси... уанси...

Доктор Робертс в ответ на это улыбался и подписывал очередную справку на получение пособия.

Порой Тому казалось, что, в отличие от остальных врачей, доктор Робертс вовсе не считает его больным. Но в таком случае было совершенно непонятно, почему он делает вид, что согласен с поставленным Тому диагнозом?

Диктор в телевизоре продолжал вдохновенно выдавать банальные, давно уже набившие оскомину факты о Тунгусском метеорите. Речь его сопровождалась видеорядом, также не блещущим оригинальностью.

Том перевернул страницу лежавшей на коленке книги.

Новая глава называлась «Идеализм Ван Би в учении о глубочайшем».

С кухни доносился частый стук ножа по разделочной доске.

В выходные тетя Мэгги готовила на ужин что-нибудь необычное. Как правило, это был рецепт, который она в течение недели выбирала в многотомном издании «Кухни народов мира», занимавшем почетное место на одной из кухонных полок.

К самому процессу готовки тетя Мэгги подходила со всей основательностью и тщательностью, а потому и начинала заниматься этим важным и ответственным делом сразу после полудня.

Она в строжайшем секрете хранила название очередного воскресного блюда. А дядя Боб и Том изо всех сил пытались его разгадать.

Эта игра им никогда не надоедала.

Они внимательно следили за тем, что приносит тетя Мэгги из магазина, изучали содержимое холодильника, составляли список приправ, хранящихся в специальном ящичке. То и дело заглядывая на кухню вроде бы по каким-то своим делам, то один, то другой из них как бы невзначай пытался кинуть взор в пыхтящую на плите кастрюлю или сунуть нос в ковшик с томящимся в нем соусом.

Но всякий раз все их попользования получали решительный отпор со стороны тети Мэгги, охранявшей свою кулинарную тайну, как бифитеры Тауэр. Что им было уготовано в воскресный вечер, дядя Боб с Томом узнавали не раньше, чем тетя Мэгги подавала блюдо на стол.

Угадать им не удалось ни разу.

Впрочем, и разочарованы они ни разу не были.

Бывали удивлены, но разочарованы – нет!

Пока тетя Мэгги священнодействовала на кухне, а Том читал и смотрел телевизор, дядя Боб трудился в садике на заднем дворе.

Это было его любимое занятие, которому он отдавал все свободное время.

И, надо сказать, результат был впечатляющий.

Соседи и друзья дяди Боба приводили своих знакомых для того, чтобы они могли полюбоваться садиком мистера Шепарда.

Дважды в дом Шепардов навещался фотограф, чтобы запечатлеть особо выдающиеся уголки садика дяди Боба для «Ежегодного альманаха Британского общества садоводов-любителей». Что являлось большой честью для скромного бухгалтера небольшой фирмы, организуемой пешие экскурсии по городу.

Все было как обычно.

Спокойно и неспешно утекающий из настоящего в прошлое воскресный день в семье Шепардов.

Том часто задумывался о том, что происходит с настоящим, когда оно оказывается в прошлом? Или же оно становится прошлым? И существует ли будущее, если в него невозможно заглянуть? Прошлое тоже нельзя увидеть, но мы его хотя бы помним. Его следы сохраняются в виде фотоснимков и видеозаписей. А будущее мы можем себе только вообразить. Да и то, как правило, оно оказывается совсем не таким.

Задавать вопросы, на которые не существовало ответов, было одним из любимых занятий Тома. Он задавал их себе самому, потому что опасался, что другие могут принять это за еще одно проявление болезни. Особо интересные вопросы, над которыми действительно стоило серьезно подумать, Том записывал в особую тетрадь.

А еще Том порой задумывался над тем, согласился бы он променять спокойную и размеренную жизнь в доме Шепардов на какую-нибудь другую?

Смог бы он стать, к примеру, пиратом? Или охотником на динозавров? Или космическим рейнджером?..

Разумеется, никто подобных предложений Тому не делал, так что вопросы, подобные этим, размещались в чисто теоретической плоскости.

Том вообще любил представлять себя кем-то из тех, про кого он читал. Герои кинофильмов для этого не годились – Тому трудно было представить себя на месте известного или не очень актера. А вот читая книгу, он запросто мог вообразить себя любым из ее персонажей. При желании он мог бы даже представить, что он древнекитайский мыслитель Ван Би, работающий над постижением смысла учения о глубочайшем.

Но в данный момент мысли его были о другом.

Пока тетя Мэгги на кухне колдовала над вечерним блюдом, а дядя Боб что-то вскапывал, пересаживал и обрезал в саду, можно было подняться в свою комнату и включить ноутбук.

Шансы, что его застукают, были ускользающе малы.

А значит, можно было рискнуть.

Конечно, если он попадет за этим занятием, его ожидает серьезный разговор с тетей Мэгги и дядей Бобом о том, что пользование интернетом налагает на человека особую ответственность, а Том, стоит ему только включить компьютер, сразу же терял над собой контроль.

На самом деле Том вовсе не терял над собой контроль. Он просто переходил в иную форму реальности, где законы обычного мира уже не действовали. И он уже был не Томом Шепардом, а кем-то совсем другим – пользователем с ником vikontbd.

Но объяснять это тете Мэгги и дяде Бобу, разумеется, было бесполезно. Тетя Мэгги до сих пор, когда ей требовалось узнать расписание автобуса до Лондона, тратила уйму времени, чтобы позвонить на станцию, вместо того чтобы заглянуть в интернет. А дядя Боб не мог взять в толк, как можно с помощью компьютера купить саженцы.

Тома пугал не столько сам по себе разговор с дядей Бобом и тетей Мэгги – его бы он смог пережить, – сколько то, что после него он непременно лишится таким трудом добытого ноутбука.

Однако вторая половина воскресного дня в доме Шепардов была временем, когда каждый занимался своим любимым делом и не мешал другим делать то же самое. Дядя Боб проводил это время в саду, даже если лил дождь, тетя Мэгги на кухне создавала новое блюдо. Том смотрел телевизор и читал. Каждый был на своем месте и при своем деле.

Значит, риска никакого.

Ну, или почти никакого.

Еще раз тщательно взвесив на самых точных воображаемых весах все «за» и «против», Том осторожно, как будто кто-то мог его услышать, закрыл книгу и приготовился встать.

Телевизор Том собирался оставить включенным. Чтобы тетя Мэгги, если вдруг она выглянет в прихожую, думала, что Том все еще смотрит канал «Дискавери».

Но изображение на экране вдруг сжалось в крошечную точку, которая через секунду погасла.

Глава 3

Экран телевизора погас. Хотя сетевая кнопка на лицевой панели по-прежнему горела красным огоньком, показывая, что телевизор включен.

Когда что-то случается с антенной, экран засыпает «снег» или по нему бегут частые полосы. То есть хоть какие-то признаки жизни. Сейчас экран был непроницаемо черен. Как будто по другую его сторону не было ничего, кроме такого же непроглядного мрака.

Очень недовольный случившимся, Том протянул руку и взял пульт, лежавший на журнальном столике.

Через пару минут он убедился, что не работал ни один из ста тридцати двух каналов, подключенных через выделенную линию.

Переключившись на общую антенну, Том увидел тот же самый черный экран.

Отложив книгу, Том поднялся из кресла и подошел к телевизору, чтобы проверить подключения.

Ему опять-таки не потребовалось много времени для того, чтобы убедиться, что все в порядке. Приставка работала, все штекеры были как следует вставлены в нужные гнезда. Но экран телевизора оставался черным как крышка рояля.

Видимо, все-таки дело было в самом телевизоре.

Том прислушался к звукам, доносящимся снизу.

Тетя Мэгги, когда готовила, обычно включала маленький телевизор, стоявший на холодильнике. Она предпочитала старые детективные сериалы вроде «Убийства в Мидсомере» и «Она написала убийство». Или музыкальные конкурсы для не умеющих петь.

Но сейчас из кухни не доносилось ни звуков выстрелов, ни безмерно фальшивящих голосов.

Слышны были только резкие, отрывистые, приглушенные удары, как будто кто-то с силой втыкал нож в доску.

Или в замороженную курицу.

Тетя Мэгги вряд ли стала бы так развлекаться.

Приготовление еды было для нее своеобразным культом, наполненным глубоким, почти мистическим, хотя, может быть, и не всем понятным смыслом.

– Тетя Мэгги! – громко позвал Том, выйдя на лестницу.

– Да, Том?

Это был голос тети Мэгги.

Вот только звучал он как-то странно.

Как будто тетя Мэгги изо всех сил сдерживала рыдания.

Или кто-то сжимал ей горло.

– У тебя все в порядке?

– Да, Том!

Ну уж нет!

Том перегнулся через лестничные перила, но смог увидеть лишь крошечный кусочек кухонного пола, выложенного желто-коричневой плиткой.

Держась одной рукой за перила, а пальцами другой ведя по стене, Том быстро побежал вниз.

На середине лестницы он снова перегнулся через перила.

Теперь ему была видна половина кухни.

На большом кухонном столе лежали нарезанные овощи и зелень. Тетя Мэгги что-то делала на маленьком разделочном столике, стоящем справа от раковины.

Том видел только ее спину.

На тете Мэгги было домашнее платье в мелкий фиолетовый цветочек, которое ей нравилось больше других нарядов. Она так часто надевала это платье, что Том стал подозревать, что на самом деле их у нее несколько. Будь платье одно, оно давно бы уже выцвело, обветшало и пришло в негодность. Да и два платья тоже. Однако всякий раз, когда тетя Мэгги надевала платье в фиолетовый цветочек, оно выглядело как только что купленное.

Странные звуки, привлечшие внимание Тома, по-прежнему доносились из кухни. Но теперь стало понятно, что связаны они были с тем, чем занималась тетя Мэгги.

– Тетя Мэгги! – снова позвал Том.

– Что случилось, Томас?

Голос у тети Мэгги был все такой же сдавленный, но теперь еще и недовольный, как будто ее по пустяку оторвали от какого-то крайне важного дела.

Том шмыгнул носом, провел пальцем по его кончику и не нашел ничего лучшего, как спросить:

– Можно к тебе зайти?

Это было глупо, потому что, когда тетя Мэгги готовила воскресный ужин, она никому не позволяла заходить на кухню.

Никому!

И Тому, и дяде Бобу это было прекрасно известно.

А потому, если кто-то из них и пытался проникнуть на запретную территорию, так только ради шутки, потому что оба отлично знали, с каким яростным отпором придется столкнуться.

– Да, конечно, заходи, Томас!

Надо ли говорить, что Том был крайне удивлен, услышав такой ответ?

Да какое там!

Том был ошарашен!

Сметен и смят, как лист травы на вершине холма, на который обрушился ураган!

Тому даже показалось, что на какое-то время он потерял способность разумно мыслить.

Что происходит?

Тетя Мэгги сама – САМА! – пригласила его зайти к ней на кухню?..

Такого просто не могло быть!..

Потому что не могло быть никогда!

– Ну где же ты, Том? – Резкий, отрывистый удар. Голос тети Мэгги звучит уже не просто недовольно, а почти раздраженно. – Куда ты запропастился? – Удар. – Мне нужна твоя помощь! – Удар чуть сильнее других. – Ты слышишь?..

Том судорожно сглотнул.

– Да, тетя Мэгги... Уже иду!

Пока Том преодолевал остаток пути вниз по лестнице, воображение нарисовало ему с десяток жутких картин того, что могло происходить возле кухонного стола.

Однако, заглянув в кухню, он не увидел ничего из того, что успело вихрем пронестись у него в голове.

На кухне не было ни битой посуды на полу, ни кровавых разводов на стенах.

Все стояло на своих местах.

Включая тетю Мэгги в традиционном платье с фиолетовыми цветочками и розовом фартуке, на кармане которого было вышито ее имя.

Том облегченно вздохнул.

– Помоги мне, Том!

Тетя Мэгги занесла над головой руку с зажатым в ней узким разделочным ножом и резко опустила ее вниз.

Раздался тот самый звук, что слышал наверху Том.

Соскользнув с разделочного столика, в раковину упал кубик льда с отколотым углом.

Тетя Мэгги нервно схватила его и снова кинула на доску.

– Они так и норовят разбежаться!

Она снова занесла нож и вонзила острие в разделочную доску.

– Кто?

Том осторожно посмотрел через плечо тети Мэгги.

По разделочной доске были рассыпаны уже немного подтаявшие кубики льда. В них-то и целилась острием ножа тетя Мэгги.

– Креветки, разумеется! Я понятия не имела, что в магазине продают живых креветок!..

Удар острия ножа пришелся точно в середину кубика льда.

Кубик раскололся на три неравных кусочка, которые разлетелись в разные стороны.

– Видишь, что происходит! – возмущенно воскликнула тетя Мэгги. – Если так будет продолжаться, я не успею приготовить ужин!

Том бросил взгляд на пакет замороженных креветок, лежавший в раковине.

– Все в порядке, тетя Мэгги, – тихим, ласковым голосом произнес Том. – Давай я тебе помогу.

Он положил одну руку женщине на плечо, а другой попытался забрать у нее нож.

Нож внушал Тому опасение. Боялся он вовсе не за себя, а того, что тетя Мэгги сама могла пораниться.

– Нет! – тетя Мэгги резко отдернула руку с ножом. – Я должна приготовить ужин!

– Разумеется! – Том снова потянулся к ножу. – Но сначала я переловлю всех разбежавшихся креветок... Сколько их было?

Тетя Мэгги озадаченно сдвинула брови. Затем тряхнула подкрашенными локонами.

– Я не знаю, – растерянно произнесла она. – Это имеет какое-то значение?

– Ровным счетом никакого, – ободряюще улыбнулся Том. – Я все равно соберу их всех до единой!

Ему наконец удалось извлечь нож из крепко сжатых пальцев тети Мэгги. Он тут же кинул его в стол и задвинул ящик.

– Все в порядке, тетя Мэгги! – облегченно улыбнулся Том. – Садись за стол, я налью тебе чая.

– А как же креветки?

– Креветками я займусь!

Том подвел тетю Мэгги к столу и усадил на стул.

Только теперь, немного успокоившись, Том обратил внимание на то, что тетя Мэгги не только ведет себя странно, но и выглядит не совсем так, как всегда. Лицо ее будто осунулось и вытянулось. Губы мелко подрагивали. А зрачки глаз были меньше острия иглы. Хотя свет в комнате был не такой уж яркий. Взгляд тети Мэгги растерянно блуждал по окружающим ее предметам и стенам, как будто она не узнавала место, где находится, и понять не могла: как она тут оказалась?

Тому были хорошо знакомы подобные симптомы. Он видел их у людей в больнице, в которой находился после аварии. А потом читал о них в медицинских справочниках. И если бы на стуле перед ним сидела не тетя Мэгги, а кто-то другой, он бы с абсолютной уверенностью сказал, что человек находится под воздействием какого-то очень сильного наркотического препарата.

Но только не тетя Мэгги!

Тетя Мэгги никогда в жизни не употребляла наркотиков! И среди лекарств, которые они с дядей Бобом принимали, не было ни одного содержащего наркотическое вещество. Том был в этом уверен!

Том бросил взгляд на телевизор, стоявший на холодильнике. Экран его был столь же непроницаемо черен, как и у того, что в гостиной.

Происходило нечто странное. Что-то, не укладывающееся в привычный ход событий, когда дни плавно перетекают один в другой, складываются в недели, объединяются в месяцы и превращаются в годы.

Вдруг все стало не так.

Том чувствовал это каким-то седьмым, восьмым, а то и десятым чувством, которое прежде оставалось неостребованным. Потому что прежде ничего подобного не происходило.

Порвалась дней связующая нить...

Иль пала связь времен?..

Ну, что-то вроде того.

– Где я? – испуганно, со слезой в голосе произнесла тетя Мэгги.

Лицо ее сморщилось, как печеное яблоко, губы затряслись. Казалось, вот-вот женщина разрыдается.

– Тетя Мэгги!

Том хотел успокоить ее, взяв за руку.

Но женщина отдернула руку, как будто он был прокаженный.

– Кто вы?

Том растерялся.

Тетя Мэгги смотрела на него так, будто не узнавала.

И это была не шутка.

– Я Том...

– Том?

– Томас Шепард, твой племянник... Ты не узнаешь меня, тетя Мэгги?

Потерянным взглядом женщина обвела комнату. Словно это была тюремная камера, в которой ее заперли по какому-то ложному обвинению.

– Где я?

Том не знал, что делать.

– Это наш дом, тетя Мэгги. Мы живем здесь вместе уже много лет: ты, я и дядя Боб, – говоря это, он чувствовал себя невыносимо глупо.

Где-то в глубине души у него все же оставалась надежда на то, что тетя Мэгги вдруг весело рассмеется, как в детстве, щелкнет его по лбу и радостно воскликнет: «Ну что, попался?»

Но – нет.

Тетя Мэгги медленно подняла руки и принялась ощупывать свое лицо. Будто слепая.

– Кто я?..

– Так! – Том решительно поднялся на ноги. – Посиди, пожалуйста, здесь, тетя Мэгги. Никуда не уходи. Одну минутку. Я сбегаю за дядей Бобом. Хорошо?

– За дядей Бобом? – растерянно переспросила женщина.

– Да, за дядей Бобом, – кивнул Том.

– Он мой дядя?

– Нет, он твой муж.

– Почему же тогда ты называешь его дядей?

– Потому что он мой дядя... Впрочем, без разницы. Дядя Боб во всем разберется. – Тому очень хотелось верить в то, что именно так оно и будет. – Жди нас здесь и не вставай со стула. Договорились?

– Да, – покорно согласилась тетя Мэгги. – Только прогони, пожалуйста, кальмара. Он меня пугает.

Тетя Мэгги пальцем указала Тому за спину.

Том стремительно обернулся.

Разумеется, он рассчитывал увидеть у себя за спиной не кальмара, а что-то другое, напугавшее тетю Мэгги.

Но там ничего не было. Вообще ничего!

– Какой еще кальмар?

– Большой, фиолетовый, с выпученными глазами... – принялась описывать свое видение женщина.

– Тут никого нет!

– Да вот же он! – тетя Мэгги снова убежденно ткнула пальцем в пустоту.

– Где?

– Сидит в раковине!.. Осторожно! Он протянул к вам свое мерзкое щупальце!

Том невольно сделал шаг назад.

Никакого кальмара в раковине не было. Но голос тети Мэгги звучал столь убедительно...

Ну, просто черт возьми!..

– Может быть, следует вызвать полицию? – предложила тетя Мэгги. – Или пожарных?

– Нет! – вскинул руку Том. – Я сам со всем разберусь!

– Точно? – недоверчиво посмотрела на него женщина.

– Абсолютно!

Том схватил со стола разделочную доску с рассыпанными по ней оплывшими кубиками льда, стряхнул их в раковину, а затем прикрыл раковину сверху доской.

– Все! Он отсюда не выберется!

– Я в этом не уверена, – с глубоким сомнением покачала головой тетя Мэгги.

– Это необыкновенно тяжелая штука! – Том стукнул кулаком по разделочной доске. – Ее не сможет поднять даже дюжина силачей!

– Как же вы с ней справились?

– Я знаю секрет суперсилы!

Том сам удивился тому, как быстро он нашел себе место среди бредовых фантазий тети Мэгги. С ним все было в порядке. У него не было галлюцинаций, и он не видел фиолетового кальмара, тянущего к нему свои отвратительные щупальца. Но Тому ничего не стоило представить, что все именно так и было!

Только вообразить – не более того!

– Спасибо, – со сдержанной вежливостью поблагодарила его тетя Мэгги и сложила руки на коленях.

Том облегченно вдохнул.

– Оставайся на месте! – указал он на нее пальцем.

– Конечно, – степенно кивнула женщина.

– Я вернусь через минуту!

Тетя Мэгги посмотрела на маленькие золотые часики-кулон, висевшие у нее на шее, затем расправила розовый фартук и снова сложила руки на коленях. Должно быть, она восприняла слова Тома буквально и засекала время.

– Через три минуты! – на всякий случай внес коррективу Том.

– Хорошо, – отрешенно и холодно, будто разговаривая с незнакомцем, ответила женщина. – Я дождусь вас. И дядю Боба. Кем бы он ни был.

Том кинулся к застекленной двери, ведущей на задний двор.

Уже взявшись за ручку двери, он обернулся.

Тетя Мэгги все так же сидела на стуле.

Руки сложены на коленях, спина прямая, как доска.

– Ничего с ней не случится за пару минут, – еще раз успокоил себя Том. – На кухне нет ни кальмаров, ни осьминогов... Вообще никого.

Том бросил взгляд на раковину.

Из-под разделочной доски, по-змеиному извиваясь, пытались выбраться фиолетовые щупальца. Но они были не в состоянии даже с места сдвинуть невообразимо тяжелую доску. Поднять ее было под силу лишь одному человеку на свете. И звали его Том Шепард!

Том улыбнулся, толкнул дверь и выбежал во двор.

Глава 4

– Дядя Боб!

Сад на заднем дворе дома Шепардов имел форму сильно вытянутого прямоугольника. Дядя Боб создавал чудо ландшафтного дизайна, исходя из этой его особенности. Сам он говорил, что именно благодаря нестандартной форме сад у него получился не такой, как у всех. А потому и попал на обложку «Ежегодного альманаха Британского общества садоводов-любителей». От соседских дворов сад отделяла высокая живая изгородь из туй, такая плотная, что через нее и палку было непросто протолкнуть. От крыльца дома меж кустов гортензии тянулась узкая дорожка, посыпанная мелкой беломраморной крошкой. Выбравшись из окружения кустов, дорожка змеей извивалась от одной живой изгороди к другой. А в образованных ее изгибами петлях плотными купами были высажены цветы. Дядя Боб подбирал цветы так, чтобы, как только отцветали одни, тут же раскрывали свои бутоны другие. В результате его сад цвел почти круглый год. Сейчас, ранней осенью, было время хризантем, гелениумов, астр и эхинацей.

– Дядя Боб! – снова позвал Том, миновав гортензии.

Странно, но ему никто не ответил.

Впрочем, это была уже не первая странность, с которой он сегодня столкнулся. А когда странности следуют одна за другой, они не сказать, что становятся привычными, но уже не взрывают мозг, как пуля дум-дум, угодившая в черепную коробку.

Вообще-то за работой в саду дядя Боб мог обо всем забыть. Но слышать-то, как его зовут, он должен? Дядя Боб любил музыку, особенно рок семидесятых. Но к наушникам, которые нужно было вставлять в уши, мистер Шепард относился с презрением. Он считал подобные гаджеты не просто глупыми, но еще и вредными для здоровья. А большие традиционные наушники мешали ему работать.

– Дядя Боб!

Том остановился.

Прислушался.

Ему показалось, будто он что-то услышал.

Точно, из-за кустов туберозы доносились звуки какой-то возни.

Качнулись ветки кустарника.

Затем туда же, за куст туберозы, пополз лежащий поперек тропинки толстый черный шланг.

– Дядя Боб, – теперь уже с укоризной произнес Том.

И быстро зашагал в сторону подозрительных кустов, на ходу пытаясь угадать, чем же там так увлекся дядя Боб, что для него перестал существовать весь мир?

Дядя Боб действительно находился за кустами туберозы.

Подмяв под себя тонкие стебли малинума, он катался по земле, обмотанный черным садовым шлангом, и делал вид, что не может освободиться от его колец.

– Дядя Боб! – вне себя от возмущения воскликнул Том. – Да что же ты тут вытворяешь!

Вывернув шею, мистер Шепард посмотрел на Тома. Затем, извернувшись всем телом, он выпростал из пут левую руку и призывно вскинул ее вверх.

– Помоги!

– Да как же это тебя угораздило?

Том присел на корточки рядом с пожилым джентльменом, находящимся в весьма затруднительном положении, и попытался освободить его от пут.

Но тот обеими руками ухватился за концы шланга, петлей обернутого вокруг шеи, и принялся тянуть их в разные стороны.

Душил он себе нешуточно – так, что глаза начали закатываться и язык вывалился изо рта.
– Змея... Змея... – хрипел он при этом. – Помогите...

Том попытался оторвать его руки от шланга, но у него ничего не получилось – он даже и не подозревал, что дядя Боб настолько силен.

Нужно было срочно что-то предпринять, иначе все это могло плохо кончиться.

Том поднялся на ноги и сделал полшага назад.

Посмотрев на корчащегося среди злаковых дядю Боба, он увидел огромную черную змею, сдавливающую человека своими могучими кольцами. Увидел он это как бы не своим, а чужим, дополнительным взглядом. Сам он продолжал при этом видеть, как несчастный дядя Боб пытается удавить себя садовым шлангом.

Как можно было видеть одно и то же сразу в двух вариантах – реальном и фантастическом, – Том не понимал. Но времени на раздумья у него не было.

Бросив взгляд по сторонам, Том увидел оброненный садовником секатор.

Схватив секатор, он склонился над дядей Бобом, лицо которого уже начало синеть, и – щелк! – отсек змее голову!

Щелк! – перерубил петлю, затянутую на шее бедолаги.

Щелк! Щелк! Щелк!..

Откинув в стороны обрезки шланга, Том помог дяде Бобу сесть.

Пожилой джентльмен несколько раз хрипло кашлянул, чтобы прочистить горло, помассировал пальцами горло, на котором остались багровые следы от шланга.

– Спасибо тебе, незнакомец, – хрипло произнес он.

– Дядя Боб! – в отчаянии всплеснул руками Том. – Ты что, тоже меня не узнаешь?

Мистер Шепард внимательно посмотрел на Тома.

– Прости, незнакомец, – с сожалением покачал он головой. – Но прежде мы не встречались.

– Отлично!

Том рывком поднялся на ноги.

Нужно было возвращаться в дом, где он оставил тетю Мэгги наедине с фиолетовым кальмаром. Он и без того задержался в саду дольше, чем обещал.

– Идем! – Том протянул руку, чтобы помочь дяде Бобу подняться.

– Имей в виду, незнакомец, эти джунгли таят в себе смертельные опасности. – Взявшись за предложенную ему руку, дядя Боб поднялся на ноги. – Я вижу, ты смельчак, но все же дорога через заросли опасна и трудна... Куда мы направляемся?

– В мой лагерь, – особенно не задумываясь, ответил Том. – Там у меня полно оружия и провианта. И дюжина до зубов вооруженных гуркхов. Идем, я знаю безопасную тропу.

– Что ж, я принимаю твое приглашение, незнакомец, – дядя Боб уверенно затопал по дорожке следом за Томом. – Сегодня у меня был не самый лучший день... Да ты и сам видел.

– Да уж, денек тот еще, – согласился Том.

Он уже принял решение, что делать.

У дяди Боба были те же симптомы, что и у тети Мэгги. Следовательно, они на пару чем-то отравились. А раз так, значит, нужно было вызвать доктора Робертса.

Вот и все.

Он с этой напастью в момент справится.

Да, такой он человек, доктор Робертс.

На подходе к дому Том услышал доносящиеся с кухни звуки бьющейся посуды.

– Быстрее! – крикнул Том дяде Бобу.

Но тот и не подумал прибавить шаг.

– Быстрее! – снова крикнул Том. – Мы в двух шагах от лагеря, но нас преследует толпа разъяренных пигмеев с отравленными стрелами!

Дядя Боб оглянулся и, должно быть, увидел тех самых пигмеев, о которых говорил Том. Потому что вдруг припустился вперед с такой прытью, что Том едва догнал его только возле самой двери.

Пропустив дядю Боба вперед, Том вошел в кухню следом за ним и запер дверь на щеколду.

Глава 5

Тетя Мэгги стояла возле раскрытого шкафчика с чайной посудой.

Это было одно из ее святилищ, к которому не допускался никто. Только она одна имела право доставать из него и снова убирать чашки, блюда, молочники, сахарницы, розетки для варенья, тарелочки для пирожных, тарелки для бутербродов и прочие принадлежности английской чайной церемонии.

Сейчас же тетя Мэгги вынимала из шкафа фарфоровую посуду, один предмет за другим, и била их о свою голову.

На лбу у нее уже имелись три или четыре глубоких пореза, из которых сочилась кровь. Кровью были выпачканы упавшие на лоб крашенные локоны. Кровь стекала по лбу, собиралась на бровях и капала на щеки. Но женщина не обращала на это внимания. На ее лице застыло выражение собранности и сосредоточенности, как будто она была занята каким-то чрезвычайно важным делом, требующим полной концентрации.

– Тетя Мэгги! – в отчаянии воскликнул Том.

Он подбежал к женщине и обхватил ее за плечи, так, что ее руки оказались прижаты к телу.

Миссис Шепард дернулась, пытаясь освободиться, убедилась, что с Томом ей не совладать, и замерла.

– Что ты делаешь, тетя Мэгги? – в отчаянии прошептал ей на ухо Том.

Женщина ничего не ответила.

Зрачки ее по-прежнему были похожи на игольные проколы.

А вот взгляд был устремлен уже не на Тома и не на стену у него за спиной. И даже не в пустоту.

Взгляд тети Мэгги был обращен в неведомые глубины ее подсознания, внезапно разверзшиеся перед ней зияющей бездной мрака.

Тому доводилось видеть подобный взгляд, означавший, что обладатель его находился под воздействием очень сильного галлюциногенного препарата. Мысленно он пребывал уже не в этом мире, а в том, что сконструировал его раскрепощенный, освобожденный от любых сдерживающих факторов разум.

– У тебя хороший лагерь, незнакомец, – дядя Боб разглядывал кухню, как будто оказался здесь впервые. – Но где же гуркхи? Они нам понадобятся, кода придется отбивать атаку пигмеев!

– Сядь на стул, дядя Боб! – приказал ему Том. – И, если хочешь, налей себе чая!

– Но...

– Гуркхи скоро подойдут!

– Хорошо, – спокойно согласился дядя Боб и взял в руки заварочный чайник. – Чай остыл, – сообщил он.

– Другого нет! – отрывисто бросил в ответ Том.

– Нет так нет, – не стал спорить дядя Боб.

Он взял свою любимую большую кружку с изображением гладиолуса и налил в нее холодную заварку. Затем он взял с плиты чайник, который был еще теплый, и долил в кружку остывающий кипяток.

Несмотря на то, что разум дяди Боба воспринимал картину окружающего мира в сильно искаженном виде, мужчина, в отличие от женщины, все же мог совершать осмысленные действия. Следовательно, в его организм попало меньшее количество галлюциногена. Либо его разум оказался более устойчив к воздействию наркотика.

Откуда вообще взялось это неизвестное вещество?

И как долго Шепарды будут находиться под его воздействием?

Том был в отчаянии.

Он точно знал лишь одно – нужно немедленно связаться с доктором Робертсом! Только он мог ответить на все вопросы и принять необходимые в данной ситуации решения!

Но для начала Том все же закрыл дверцу шкафчика с чайной посудой и придвинул к нему тетю Мэгги.

Женщина ни на что не реагировала. Она покорно делала все, что от нее требовалось.

Однако период полной протрации, связанный с выпадением из реальности, мог так же внезапно смениться активной фазой, когда находящийся под воздействием галлюциногена человек начинает совершать массу самых разных, неожиданных и нелогичных действий. И хорошо, если это не переходит в буйство.

Том взял салфетку, смочил ее водой и аккуратно стер с лица тети Мэгги кровь. После чего пластырем стянул самые глубокие порезы у нее на лбу.

Бросив взгляд на дядю Боба и убедившись, что он с довольным видом прихлебывает холодный чай из кружки с гладиолусом, Том быстро пересек кухню и снял трубку висевшего на стене телефона.

Гудка в трубке не было.

Чертыхнувшись, Том ударил двумя пальцами по клавише.

Затем еще два раза.

Телефонная трубка оставалась безмолвной.

Второй телефон, работающий от той же самой линии, находился в гостиной. Но что-то подсказывало Тому, что он тоже молчит.

Своего мобильного у Тома не было – он был ему ни к чему. Но у дяди Боба сотовый телефон имелся. Он брал его на работу и клал в карман, когда работал в саду. На случай, если вдруг позвонят из Британского общества садоводов-любителей.

Том подошел к мистеру Шепарду и склонился над ним.

– Дядя Боб, – произнес он очень строгим и серьезным голосом. – Дай мне свой мобильник.

Мистер Шепард с невозмутимым видом сделал глоток чая и аккуратно поставил кружку на стол.

– Не понимаю, о чем ты, незнакомец?

– Я говорю про небольшую плоскую коробочку черного цвета. – Том двумя пальцами нарисовал в воздухе прямоугольник. – Которая лежит у тебя в кармане.

Мистер Шепард недоверчиво хмыкнул и сунул руку в карман.

В следующий миг лицо его изменилось – он нашел там то, про что говорил Том.

Том ободряюще улыбнулся и дернул кончиками пальцев, предлагая положить телефон ему на ладонь.

Но вместо этого дядя Боб ударил Тома между ног – не очень сильно, поскольку размах был небольшой, но вполне чувствительно, – а затем сорвался с места и кинулся вглубь дома.

– На помощь, гуркхи! – орал он во всю глотку. – Где вы, мои отважные воины?!

Тому даже обидно стало – дядя Боб запросто сделал придуманных им гуркхов своими. А еще в голове у него промелькнула мысль о том, что подумают соседи, услышав крики о помощи, доносящиеся из дома Шепардов?..

Впрочем, сейчас было не до того.

Том бросился в погоню.

Он догнал дядю Боба в прихожей.

Схватив мистера Шепарда за плечи, Том попытался остановить его, но дядя Боб отбивался с такой яростью, будто на него и в самом деле напали враги. При этом он продолжал призывать к себе на помощь запропастившихся где-то гуркхов.

Тому ничего не оставалось, как только повалить дядю Боба на пол.

После непродолжительной борьбы Тому удалось полностью обездвижить мистера Шепарда и завладеть его телефоном.

Увы, борьба оказалась напрасной. Телефон работал, но индикатор показывал отсутствие сети.

– Ко мне, гуркхи! Ко мне!..

Вопли дяди Боба, продолжающего взывать о помощи к несуществующим непальским воинам, мешали Тому сосредоточиться.

Хотя думать-то тут особенно было не о чем – единственным способом связи с окружающим миром оставался спрятанный под кроватью ноутбук.

– Эй! – Том постучал дяде Бобу ладонью по плечу. – Послушай-ка!

Мистер Шепард притих.

– Я сейчас отпущу тебя. Но ты не будешь орать и не попытаешься убежать. Договорились?

– Отдай мобильник! – категорично потребовал дядя Боб.

– Ладно.

Том сделал вид, что соглашается с неохотой, только подчиняясь несгибаемой воле мистера Шепарда и под угрозой вмешательства дюжины гуркхов. Чтобы не потерять контакт с дядей Бобом, нужно было продолжать играть по одним с ним правилам.

Получив мобильник, дядя Боб провел по экрану ребром ладони, счастливо улыбнулся и спрятал бесполезный телефон в карман.

– Дядя Боб, мне нужна твоя помощь, – заговорщицким полусшепотом произнес Том.

– Я слушаю тебя, незнакомец, – в тон ему ответил мистер Шепард.

– Прекрати называть меня незнакомцем. Меня зовут Том.

– Том, – кивнул дядя Боб. – Тогда и ты перестань называть меня дядей Бобом. Меня зовут... – он на пару секунд запнулся. – Уилмор!

– Отлично, Уилмор. – Том взял дядю Боба за локоть и повлек его за собой к дверям кухни. – Видишь женщину? – взглядом указал он на тетю Мэгги.

– Да, – уверенно кивнул мистер Шепард.

– Ты ее знаешь?

– Нет, – с той же уверенностью мотнул головой дядя Боб. – Впервые вижу. Хотя...

– Что?

Дядя Боб озадаченно помял пальцами мясистый подбородок.

– Она мне кого-то напоминает...

– Кого же, Уилмор?

Том решил, что к дяде Бобу возвращается память, – значит, действие неизвестного препарата ослабевает.

– Мата Хари! – возбужденно щелкнул пальцами дядя Боб, называвший себя теперь Уилмором. – Я видел ее в Гонконге в тысяча девятьсот двадцать первом году!

– Ты обознался, – удрученно качнул головой Том. – Это не она!

– А я тебе говорю, это Мата Хари! – стоял на своем Уилмор. – Поверь мне, я знаю, что говорю! Она, конечно, несколько изменилась с тех пор, как мы виделись в последний раз, поэтому я и не признал ее сразу. Но теперь я абсолютно уверен в том, что это она!

– Хорошо, дядя... Уилмор. – Том понял, что лучше сдать и принять версию дяди Боба. – У нас имеется информация, что с ней должен выйти на связь вражеский агент...

– Русский?

– Почему русский?

– Ну, не украинец же?

– Он из Пакистана. Усама бен Ладен.

Том сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на дядю Боба имя всемирно известного террориста.

– Я был в Пакистане в тысяча девятьсот сорок первом, – сказал Уилмор. – Но с бен Ладеном у меня контактов не было.

Том решил не акцентировать внимание дяди на том, что в сорок первом никто еще не только не знал о бен Ладане, но и Пакистана как такового не существовало.

– Ты должен последить за ней, Уилмор. – Том ободряюще похлопал дядю по плечу.

– Понял, – кивнул тот.

Вид у него при этом был необычайно серьезный.

Том готов был поклясться, что таким серьезным он не видел дядю Боба ни разу в жизни.

– Сам ничего не предпринимай. Но если только она попытается что-то сделать, пусть даже просто захочет налить себе чашку чая, немедленно поднимай тревогу. То же самое, если она попытается покинуть кухню.

– Какую кухню? – непонимающе вскинул бровь Уилмор.

– Я хотел сказать лагерь, – исправил оговорку Том.

– Ясно.

– Я могу на тебя положиться, Уилмор?

– Абсолютно, Том!

Они скрепили свой договор крепким мужским рукопожатием.

– Удачи, Уилмор, – подмигнул дяде Том. – Я скоро вернусь.

Но прежде он еще раз заглянул на кухню, чтобы убедиться, что с тетей Мэгги все в порядке. После чего быстро пересек прихожую и побежал вверх по лестнице.

– Том!

Том заскрипел зубами от злости.

– Да, Уилмор?

– Ты куда?

– Хочу выяснить, куда запропастились гуркхи.

– Удачи! – махнул рукой Уилмор.

Том сделал ему ответный жест рукой и снова побежал наверх.

Добежав до третьего этажа, он распахнул дверь своей комнаты и с ходу нырнул под кровать.

Достав ноутбук, он открыл его и нажал сетевую кнопку.

Ноутбук загружался медленно.

Глядя на меняющуюся на экране информацию, Том нетерпеливо постукивал пальцами по краям ноутбука.

Когда все рабочие программы загрузились, в трее замигала иконка поиска сети.

– Ну, давай же... Давай... – тихо приговаривал Том, нервно кусая губы.

«Внимание! Сетевое подключение отсутствует!»

– Черт!

Том в сердцах хлопнул крышкой ноутбука и кинул его на кровать.

В городе творилось что-то неладное.

Что-то очень и очень неладное!

Телефон и телевидение не работали, интернет отключен.

Что это могло значить?

Война?..

С кем?

И почему тогда не воют сирены, не слышно звуков стрельбы и разрывов снарядов?

Стихийное бедствие?..

Но в Стратфорде-на-Эйвоне отродясь не бывало никаких стихийных бедствий.

Ну, разве что очень дождливое лето, случившееся сразу после Второй мировой, – старики о нем по сей день вспоминают. Больше всего им всем нравится рассказывать про то, как затопило стоявший тогда на южной окраине паб старого МакШейна. Но даже в тот раз все обошлось без жертв.

Подумав минуточку-другую, Том решил, что следует запереть дядю Боба и тетю Мэгги в доме, а самому добежать до живших по соседству мистера и миссис Хопкинс, чтобы выяснить, работает ли у них телефон. Если же выяснится, что и у Хопкинсов все средства связи вышли из строя, тогда нужно просить их присмотреть за дядей с тетей, а самому садиться на велосипед и катить к доктору Робертсу. Если уж и он не сможет разобраться со странным недугом Шепардов, значит, этого не сможет сделать никто, даже сам Господь Бог!

Том уже поднялся на ноги, готовясь воплотить свой план в действие, как вдруг с улицы раздался тяжелый удар, звуки бьющегося стекла и скрежет гнущегося железа.

Глава 6

Том метнулся к окну.

На другой стороне улицы, прямо напротив дома Шепардов, в фонарный столб рядом со скобяной лавкой миссис Уотс въехал изумрудный «Фольксваген». Для того чтобы учудить такое на пустой улице, водитель должен был внезапно ослепнуть. Либо прямо за рулем из горлышка, в один присест выпить литровую бутылку виски.

Либо...

Том недовольно цокнул языком.

Водитель мог видеть дорогу перед собой совсем не такой, какой она была на самом деле. К примеру, он мог вообразить, что его «Фольксваген» – это каноэ, в котором он спускается по бурной реке.

Выбив дверцу машины ногой, с водительского места выбрался молодой, высокий мужчина в белом джемпере и светло-серых брюках. Явно не местный. Немец или голландец. Стукнув себя кулаком в висок, он энергично тряхнул головой и издал вопль, похожий на боевой клич индейцев.

«Может быть, американец?» – подумал Том.

Хотя, пожалуй, нет, для американца он слишком уж аккуратно одет.

Мужчина распахнул заднюю дверцу и помог выбраться из машины женщине, одетой в широкие, песочного цвета брюки, белую рубашку и ярко-красное болеро.

«Немцы», – взглянув на нее, пришел к окончательному выводу Том.

Мужчина подхватил женщину за талию, взял ее за руку, и они закружились вокруг разбитой машины под звуки вальса, который слышали лишь они двое.

На третьем этаже над лавкой миссис Уотс открылось окно, из которого выглянула сама хозяйка лавки.

Том приветственно помахал ей рукой, но миссис Уотс даже не глянула в его сторону.

– Проклятые китаезы! – заорала она истеричным, срывающимся на визг голосом, обращаясь к самозабвенно вальсирующим вокруг разбитой машины немцам. – Убирайтесь вон! Слышите? Вон!!! Вы здесь никому не нужны!.. Слышите, узкоглазые?.. Вам здесь не рады!..

Прокричав это, миссис Уотс ненадолго скрылась.

Том испугался, что в следующий раз она появится с заряженным ружьем и примется палить без разбора во все, что движется.

Но, вновь появившись в оконном проеме, миссис Уотс поставила на подоконник большую картонную коробку. Возможно, ружья у нее просто не было.

Пожилая леди достала из коробки красный двухэтажный игрушечный автобус, тщательно прицелилась и запустила им в танцующих.

Автобус ударился о крышу разбитой машины, из-под смятого капота которой валили клубы серого пара, отскочил, потеряв заднюю пару колес, и раскололся о тротуар.

– Проклятые китаезы! – снова заистерила миссис Уотс. – Забирайте свои гребаные игрушки! – следом за автобусом вниз полетела фигурка полисмена. – В которых превышено содержание свинца и полихлорурины! – вниз полетела красная телефонная будка. – Наше дело верное, и мы все равно надерем вам задницы! – о мостовую ударились фигурка гвардейца в красном мундире и высокой медвежьей шапке. – Забирайте! Забирайте свое барахло и уматывайте! Живо!

Миссис Уотс перевернула коробку, и вниз посыпался град из разноцветных, сделанных в Китае сувенирных игрушек, до которых столь охочи иностранные туристы. Поэтому-то она и выставляла их на отдельной полке в своей скобяной лавке.

Бросив вниз пустую коробку, миссис Уотс вскинула вверх руку, в кулаке которой было что-то зажато. Что-то очень небольшое и трогательное. Том даже подумал, что это одна из канареек, которых так любила миссис Уотс.

– Но это! – пафосно прокричала пожилая леди. – Это я вам не отдам! Это то, что стояло и вечно будет стоять на страже западной цивилизации! Это вы сможете выхватить из моих рук только после того, как вырвете сердце из моей груди!

Миссис Уотс поставила вещицу, что держала в руке, на край подоконника.

Заинтригованный сверх всякой меры, Том открыл дверцу прикроватной тумбочки, выхватил из нее бинокль и снова метнулся к окну.

Направив объективы на окно миссис Уотс и настроив резкость, он увидел небольшой раскрашенный бюстик Уильяма Шекспира.

Том почувствовал, как комок подкатил к горлу.

Поистине несокрушима нация, которая своим охранителем считает не всемогущего властителя, и не великого полководца, и даже не святого заступника, а величайшего поэта всех времен!

Впрочем, не успел Том об этом подумать, как миссис Уотс схватила бюстик Шекспира и запустила его в танцующих немцев, которых она почему-то почитала за китайцев.

И на этот раз бросок достиг цели – Шекспир угодил мужчине в плечо.

Дернувшись, тот перестал танцевать, посмотрел вверх и что-то заговорил по-немецки. Он не возмущался, а как будто что-то спрашивал.

– Вали отсюда, китаеза! – по пояс высунувшись из окна, миссис Уотс указала в конец улицы.

Мужчина отвесил ей благодарственный поклон, сказал еще что-то по-немецки, обхватил свою даму за талию, готовясь не к вальсу, а скорее к мазурке, и они вместе, весело подпрыгивая и высоко вскидывая ноги, поскакали в указанном миссис Уотс направлении.

Услыхав прерывистый стук, доносящийся откуда-то неподалеку, Том отложил бинокль и, опершись руками о подоконник, подальше выглянул из окна.

Сосед Шепардов справа, мистер Венритас, чьим старым ноутбуком пользовался Том, вышел на тротуар возле своего дома.

У мистера Венритаса были кривые волосатые ноги, будто синей сеткой оплетенные варикозными венами. Грудь и спина у него тоже были волосатые.

Все это было откровенно выставлено напоказ, поскольку мистер Венритас вышел на улицу в одних только узеньких ярко-оранжевых стрингах. Неудобно даже было задаваться вопросом, у кого он их позаимствовал.

В руках у мистера Венритаса была мотыга, которой он старательно ковырял асфальт.

Том посмотрел в другую сторону, где с Шепардами соседствовали Хопкинсы.

Миссис Хопкинс видно не было. А мистер Хопкинс сидел посреди уложенной крупными камнями дорожки, ведущей к крыльцу дома. На нем была голубая пижама с розовыми, дующими в трубы ангелочками. Вокруг головы у него был обмотан малиновый галстук.

Мистер Хопкинс сидел на земле, сложив ноги как индеец. Перед ним на дорожке горел небольшой костерок, на котором мистер Хопкинс пытался зажарить какого-то зверька, насаженного на прут.

У Тома появилось подозрение, что мистер Хопкинс пытался приготовить на огне морскую свинку, жившую у них с миссис Хопкинс дома.

– Мистер Хопкинс! – зачем-то окликнул соседа Том.

А тот, как ни странно, обернулся.

Том помахал рукой.

Мистер Хопкинс ответил ему тем же.

– Что готовите, мистер Хопкинс? – поинтересовался Том, только чтобы поддержать беседу.

– Летучую мышь! – ответил сосед и поднял вертел повыше, чтобы Том мог рассмотреть добычу.

Существо, насаженное на вертел, и в самом деле было похоже на летучую мышь.

– Где вы ее взяли, мистер Хопкинс?

– Поймал в доме.

– У вас в доме водятся летучие мыши?

– Разумеется, нет! Это моя жена. Ты разве не в курсе, приятель, что моя жена – вампир?..

Том отшатнулся вглубь комнаты и захлопнул окно.

Похоже, все вокруг сошли с ума!

И он остался единственным здравомыслящим человеком...

От мысли такой становилось здорово не по себе. Поэтому Том решил, что пока об этом лучше не думать.

Нужно сосредоточиться на главном.

Главное – добраться до доктора Робертса. Благо живет он неподалеку.

Хотя в таком маленьком городке, как Стратфорд-на-Эйвоне, все находится неподалеку, но до дома доктора Робертса, живущего на углу Шекспир-стрит и Малберри-стрит, было и вовсе рукой подать. Том мог доехать до него на велосипеде за десять-двенадцать минут.

Проблема заключалась в том, что дядю с тетей нельзя было оставить дома одних, без присмотра. Кто знает, кем они могли возомнить себя, пока Тома не будет рядом?

Что, если кто-нибудь из них вообразит себя омаром, наберет полную ванну воды и нырнет в нее?

Вариант с превращением в птичку, с учетом того, что дом трехэтажный, также не казался безопасным.

А почему нет?

Смогла же миссис Хопкинс превратиться в летучую мышь. Пусть только в воображении мистера Хопкинса. Кем она сама себя считала, Тому было неведомо. И, может быть, оно и к лучшему. Тому пока и собственных проблем хватало.

Пока Том спускался вниз по лестнице, в голове у него зрел план. Может быть, и не самый лучший. Но другого ведь все равно не было.

Заглянув на кухню, Том в первый миг возликовал, решив, что все пришло в норму.

Все стало, как прежде!

Дядя и тетя сидели за столом напротив друг друга, держа в руках чайные чашки.

Это можно было принять за мирное семейное чаепитие.

Но только на первый взгляд.

– Голубчик! – с мягкой укоризной в голосе обратилась к Тому тетя Мэгги. Однако лицо ее при этом выражало крайнее недовольство. – Где это вы так долго пропадали?

Она протянула Тому чашку, что держала в руке.

Чашка была до краев наполнена сахарным песком, политым вустерширским соусом.

– Да, черт возьми! Сколько можно ждать?

Дядя Боб повторил жест жены.

Горка сахарного песка в его чашке была измазана горчицей.

«Ситуация не изменилась, – вынужден был констатировать Том. – Просто они затеяли новую игру. Теперь на пару».

– Я к вашим услугам, дамы и господа! – с готовностью улыбнулся Том.

– Черт возьми! – воскликнула тетя Мэгги, в обычные дни выражавшаяся гораздо мягче, и с размаху ударила чашкой по столу.

Чашка разлетелась вдребезги. Сахарный песок рассыпался по столу и полу. Коричневые пятна вустерширского соуса испачкали любимое платье тети Мэгги, но она даже не обратила на это внимания.

– Я не потерплю подобного хамства со стороны obsługi!

– Да! Черт возьми! – Вторая жене, дядя Боб и свою чашку расколотил о край стола. – Доколе? – спрашиваю я! – Доколе это будет продолжаться?

Том понял, что уладить дело миром, как он рассчитывал, не удастся. Нужно было срочно, что называется, на ходу изобретать другой план.

– Немедленно! – вытянув палец в сторону Тома, истерично возвопила тетя Мэгги. – Вы слышите? – Том коротко кивнул. – Немедленно подайте шампанское!

– Самое лучшее! – сделал широкий жест рукой дядя Боб.

– Нам и всем этим достойнейшим господам! – тетя Мэгги указала рукой на кухонную плиту, как будто там находился огромный зал, полный гостей.

– Живо! – затопал в ярости ногами дядя Боб.

– Сию секунду! – Том повернулся в сторону прихожей и щелкнул пальцами. – Шампанского! Самого лучшего! – он повернулся к мистеру Шепарду. – Тысяча восемьсот двенадцатый год вас устроит, сэр?

Дядя Боб потер пальцами нос и озадаченно посмотрел на жену.

– Пойдет, – благосклонно махнула рукой тетя Мэгги.

– Тысяча восемьсот двенадцатый год! – крикнул в сторону прихожей Том. После чего чинно сложил руки на животе и преданно уставился на спятивших родственников. – Могу я поинтересоваться, что господа празднуют? – деликатно осведомился он.

– Не можете! – резко осадил его тетя Мэгги.

– Да, не можете! – поддержал ее дядя Боб. – Но я могу вам ответить!

– Дорогой! – вне себя от возмущения приподнялась со своего места тетя Мэгги.

– Дорогая! – сделал успокаивающий жест дядя Боб. – В том интересе, что проявляет сей юноша, нет ничего предосудительного!

– Нет, есть, дорогой!

– Вовсе нет, дорогая!

– Есть!

– Нет!

Лицо тети Мэгги сморщилось, как будто она вознамерилась пустить слезу.

– Ты меня совсем не любишь, – плаксиво произнесла она. – Дорогой...

– Дорогая!

Дядя Боб пылко схватил тетю Мэгги за руку и припал к ней долгим, страстным поцелуем.

– Ах, дорогой! – расплылась в счастливой улыбке тетя Мэгги.

Дядя Боб тотчас же оставил ее руку и обратил свой взор на Тома.

– Ну посмотри, дорогая, какой замечательный юноша! Он мне напоминает... – дядя Боб осекся и озадаченно сдвинул брови. – Кого же он мне напоминает?..

– Да, пожалуй, ты прав, дорогой, – задумчиво посмотрела на Тома тетя Мэгги. – Мне он тоже кого-то напоминает... Ну хорошо, расскажи ему!

Дядя Боб вскинул подбородок и с гордостью сообщил:

– Сегодня я подстрелил дюжину велоцирапторов.

Том безнадежно всплеснул руками.

Надо же, уже и велоцирапторы пошли в дело!

А он-то надеялся, что дядя с тетей начали приходить в себя и вот-вот вспомнят, кто они такие и кем он им приходится...

– Он не верит! – махнула кончиками пальцев миссис Шепард.

– Разумеется, – довольно улыбнулся мистер Шепард. – В такое трудно поверить. Но уверяю вас, юноша, так оно и есть! Ровно двенадцать! И, честно признаться, могло бы быть и больше, но я решил остановиться на дюжине!

– Я обескуражен по иной причине, – удрученно произнес Том. – Сэр! Мэм! В нашем графстве охота на велоцирапторов запрещена законом!

– Да кто вы такой?! – возмущенно, но все же и немного испуганно воскликнула тетя Мэгги.

– Я инспектор по делам окружающей среды Осмонд.

– Но у меня есть лицензия! – попытался объясниться дядя Боб.

– Боюсь, сэр, она поддельная, – сообщил инспектор Осмонд.

– Но я-то этого не знал!

– Увы, сэр, это не освобождает вас от ответственности за гибель двенадцати превосходных особей благородных животных.

– И все же взгляните на нее!

– Хорошо, – не стал спорить инспектор Осмонд. – Где она?

– Лицензия в номере.

– Чудненько, – кивнул инспектор. – Тогда мы прямо туда и пройдем. Но сначала я должен провести формальное задержание. – Том схватил полотенце с крючка на стене. – Протяните руки, сэр!

– Но... Я возражаю!

– Сколько угодно, сэр, – устало вздохнул инспектор Осмонд. – Если вам нужны проблемы, я могу позвать констеблей. Но, мне кажется, вы будете глупо выглядеть перед своими же гостями, – Том сделал движение подбородком в направлении кухонной плиты, – если вас скрутят трое полицейских и силой наденут на вас наручники.

– Он прав, дорогой, – полушепотом, со слезой в голосе проговорила тетя Мэгги. – Не нужно устраивать прилюдный скандал. Я уверена, скоро полиция во всем разберется. И вам, инспектор, – миссис Шепард обожгла Тома гневным взглядом, – еще придется перед нами извиняться!

– Буду только рад это сделать, мэм, – вежливо козырнул ей инспектор Осмонд.

– Ну хорошо, – мистер Шепард протянул сведенные вместе руки. – Делайте, что должны, инспектор!

Том быстро обернул вокруг запястий дяди Боба полотенце и завязал его узлом.

– Что это? – непонимающе посмотрел на связанные полотенцем руки мистер Шепард.

– Новый вид наручников, – объяснил инспектор Осмонд. – Самые крепкие в мире. Еще ни одному самому ловкому преступнику не удалось из них выбраться. Попробуйте сами, сэр. Но предупреждаю, даже Гудини перед ними спасовал.

Стиснув зубы, дядя Боб попытался развести руки в стороны. Но, как и надеялся Том, у него ничего не получилось.

И дело было вовсе не в том, насколько крепко было завязано полотенце, а в том, насколько убедительны оказались слова инспектора.

– Теперь вы, мэм, – Том взял другое полотенце.

– Но послушайте!..

– Мэм, вы сами сказали, что не стоит устраивать сцен!

Связав и тете Мэгги руки полотенцем, Том сопроводил упавших духом родственников в их спальню на третьем этаже.

– Что полагается за отстрел велоцирапторов? – поинтересовался, входя в комнату, дядя Боб, видимо, уже смирившийся с мыслью о том, что ему предстоит идти под суд.

– Три года с конфискацией оружия преступления, – ответил Том.

– За каждого?

– За всю дюжину, – Том решил не усугублять бедственное положение дяди Боба, который и без того выглядел совсем не весело. – Присаживайтесь, – взглядом указал он на застеленную кровать.

Мистер и миссис Шепард осторожно присели на краешек собственной кровати.

– Вам придется подождать какое-то время, пока я схожу за судьей и присяжными, – сказал инспектор Осмонд.

– Слушания по делу будут проходить здесь?

Дядя Боб изо всех сил пытался сохранить самообладание и присутствие духа. Однако давалось ему это нелегко.

– Вас это не устраивает, сэр?

– Да нет, почему же, – дядя Боб окинул взглядом комнату и пожал плечами. – Когда я смогу встретиться со своим адвокатом?

– Дайте мне адрес, и я его приведу.

Дядя Боб сосредоточенно наморщил лоб, пытаясь вспомнить адрес адвоката, которого у него никогда не было.

– Дорогая, – повернулся он к жене. – Ты не помнишь адрес нашего адвоката?

– Какого адвоката, дорогой? – несколько удивилась тетя Мэгги.

– Мистера Спотвуда, разумеется?

Тетя Мэгги ненадолго задумалась.

– Нет, – покачала она головой.

– Я знаю мистера Спотвуда и приведу его к вам, – заверил мистера Шепарда инспектор Осмонд.

– Благодарю вас, инспектор! – с достоинством поклонился дядя Боб.

– Однако должен взять с вас обещание, что вы не станете пытаться покинуть эту комнату в мое отсутствие. Это, кстати, в ваших же интересах, – инспектор Осмонд строго посмотрел сначала на мистера Шепарда, а затем на его жену. – На улице собрались защитники дикой природы. Которые, прямо скажу, жаждут вашей крови!

Миссис Шепард прикрыла ладошкой приоткрывшийся рот. Глаза ее от ужаса расширились.

– Здесь вам ничто не угрожает, – заверил ее инспектор Осмонд. – Главное – не выходите за дверь. Договорились?

– Слово джентльмена! – еще раз с достоинством наклонил голову дядя Боб.

– Я могу вам доверять? – все еще с некоторым сомнением прищурился инспектор Осмонд.

– Уилмор Картрайт никогда не нарушал данного обещания! – с гордостью вскинул подбородок дядя Боб.

– Да! – повторила его жест тетя Мэгги. – Картрайты держат слово!

Том Шепард с досадой поджал губы.

Ну ладно, пусть пока остаются Картрайтами. Лишь бы из комнаты не выходили.

– Я оставляю вас, – инспектор Осмонд отдал честь задержанным. – Ненадолго!

Дядя Боб молча кивнул.

Вид у него был сконфуженный.

«Чудно, – подумал Том. – Вот так живешь в одном доме с человеком, который цветы разводит, и понятия не имеешь, что в душе он мечтает стать охотником на динозавров... Хорошо еще, что не на привидений».

Глава 7

Том чуть приоткрыл входную дверь и прислушался.

На улице было тихо. Не было слышно ударов мотыги мистера Венритаса – должно быть, он закончил работу. Только где-то вдали звучало некое подобие музыки. Кто-то очень неумело мучил фортепианные клавиши, пытаясь наиграть «Венгерскую рапсодию» Листа.

Том осторожно выглянул за дверь.

И тут же рядом с его головой о косяк разбилась бутылка.

– В-о-о-о-о-н! – истерично завопил кто-то с улицы.

Голос был настолько безумен, что невозможно было понять, принадлежит он женщине или мужчине.

Том захлопнул дверь, закрыл замок, задвинул засов и прижался к двери спиной.

Ну и что теперь делать?

Улица была небезопасна.

Но Тому нужно было выйти из дома.

Просто необходимо!

Пробежав через прихожую и кухню, Том выглянул в сад.

На первый взгляд там никого не было. Но за кустами и клумбами, что холил и лелеял дядя Боб, мог запросто укрыться взвод солдат.

Том быстро глянул по сторонам, прикидывая, чем можно вооружиться.

На кухне было множество колющих и рубящих инструментов из богатого арсенала тети Мэгги. А за дверью стоял ящик с садовыми инструментами дяди Боба, среди которых имелось немало таких, которые пришлись бы по вкусу профессиональному инквизитору.

Но после недолгого размышления Том решил, что не станет ничего из этого брать. Все равно он не сможет воткнуть нож человеку в живот или ударить его по голове молотком для отбивания мяса. Даже если от этого будет зависеть его жизнь, он скорее попробует убежать, нежели начнет активно обороняться.

Том много раз видел, как это случается в кино. И кровавые сцены насилия не вызывали у него отвращения. Потому что он знал, что все это не по-настоящему. Но он не мог даже представить себе, как бы это могло произойти на самом деле с ним...

Вот он сжимает в кулаке рукоятку ножа, вот отводит руку назад, еще крепче сжимает рукоятку и с силой бросает руку с ножом вперед, туда, где находится воображаемый противник...

И...

После этого перед его внутренним взором все плыло, как будто он терял сознание...

Пальцы немели и разжимались...

Нож падал на землю...

Лезвие тихо звякало о брусчатку...

Почему именно о брусчатку?

Всякий раз, когда Том пытался прокрутить в голове подобную ситуацию, оказывалось, что он стоит на брусчатке. Не на асфальте, не на земле, не на гравии и даже не на каменных плитах – именно на брусчатке!

Брусчатка не давала Тому покоя. Как будто именно в ней заключался какой-то тайный смысл. Хотя это было всего лишь игрой воображения. И не более того.

Но ведь и не менее.

Том знал, на какие чудеса способно воображение, если уметь им правильно пользоваться.

В последний момент, уже выходя за дверь, Том взял с подоконника небольшой резиновый мячик – дядя Боб мял его в руке, когда у него ныли суставы пальцев, – просто чтобы что-то держать в руке. Это придавало уверенности.

В саду никто не прятался.

Прижимаясь спиной к глухой стене, Том начал пробираться между ней и живой изгородью. Заботиться приходилось главным образом о том, чтобы ветки туи не поцарапали лицо и не выкололи глаза.

Добравшись до угла дома, Том присел на корточки и осторожно выглянул в палисадник.

Вдоль невысокого заборчика росли три розовых куста, посаженные тетей Мэгги, – три объекта вечных насмешек дяди Боба, уверенного в том, что даже крошечный клочок земли между домом и мостовой можно было бы использовать более продуктивно.

Сквозь ветки розовых кустов Тому удалось рассмотреть человека, сидящего прямо на проезжей части. По всей видимости, это и был тот, кто кинул в него бутылку.

В окне дома напротив появилась неумная миссис Уотс.

– Убирайся отсюда, чертов китаеза! – истошно завопила она, по пояс свесившись через подоконник. – Чтобы духу твоего здесь больше не было!

«И что это она так взъелась на китайцев?» – удивленно подумал Том.

Прежде миссис Уотс никогда ни о ком дурно не отзывалась.

Агрессор, находившийся внизу, что-то невнятно прокричал и запустил в миссис Уотс бутылку, которая разбилась о раскрытую ставню.

– Ах ты проклятый маленький китаеза! Ну погоди у меня!

Погрозив сухим кулачком, миссис Уотс скрылась в глубине дома.

Снизу раздался победный смех.

Но что-то подсказывало Тому, что исчезла миссис Уотс ненадолго.

Том чуть приподнялся и вытянул шею, пытаясь рассмотреть бутылочного террориста. Но густо разросшиеся кусты мешали ему.

Не прошло и двух минут, как миссис Уотс вновь появилась на сцене.

С боевым криком:

– Получай, паскудник! – она метнула вниз огромное бело-голубое кашпо с ручками, в котором стоял горшок, в котором, в свою очередь, рос большущий кактус.

Кашпо и горшок с грохотом разбились о брусчатку. Комья земли полетели в разные стороны. Эффект был как от разорвавшейся мины.

И следует отдать должное меткости миссис Уотс – снаряд угодил точно в то место, где сидел ее противник. Если бы он с обезьяньей ловкостью не отпрыгнул в сторону, расколоться мог и его череп.

Однако его боевой дух не был сломлен.

Прокричав что-то вроде:

– В-о-о-о-о-н!

Или, может быть:

– В-о-о-о-о-т! – он вскинул руку с зажатой в ней бутылкой, которую намеревался метнуть в миссис Уотс.

Том считал себя джентльменом. И как джентльмен он не мог оставить леди в беде. Поэтому он поднялся во весь рост и громко крикнул:

– Эй!

Только сейчас он как следует рассмотрел своего противника.

Это был весьма пожилой мужчина, лет шестидесяти, невысокого роста, тщедушного телосложения, однако с роскошной, рыжей шкиперской бородкой. Такая бородка сама по себе не вырастет – ее требовалось холить и лелеять, используя набор специальных ножничек и гребешков. А вот одет был мужчина странно. На нем был детский матросский костюмчик, кото-

рый он каким-то образом умудрился на себя натянуть: белая курточка с золотыми пуговками и откидным матросским воротником с синей полоской по краю и такие же белые с синими полосками внизу короткие штанишки, не сошедшиеся на животе, а потому подтянутые ремнем. На ногах белые в синюю полоску гольфики и красные сандалии, а на голове – матросская бескозырка с большим синим помпоном.

Одним словом, вид у незнакомца был исключительно комичный.

Если позабыть о бутылке, что он держал в руке, подобно готовому к бою оружию.

Теперь оружие это было наведено на Тома.

И, судя по зверскому выражению лица, рыжебородый всерьез намеревался пустить его в ход.

Не дожидаясь, когда в него полетит бутылка, Том первым запустил в противника мяч.

Том любил играть в крикет, так что бросок у него вышел отменный. Мяч угодил точно в грудь морячку Папаю.

Вряд ли удар был болезненный, но от неожиданности бородач разинул рот, как будто хотел громко крикнуть: «О-о-о-о!»

Выскользнув из внезапно ослабшей руки, бутылка разбилась об асфальт.

Морячок подпрыгнул так, будто у ног его разорвалась граната.

– Уй-я! – он прижал обе ладони к груди, как будто в нее угодил не мяч, а пуля.

– Пшел вон, китаеза! – заорала сверху миссис Уотс.

Морячок, словно затравленный борзыми лис, метнулся сначала в одну сторону, потом в другую.

На какой-то момент он будто утратил ориентацию в пространстве и был готов то ли упасть на брусчатке и закрыть голову руками, то ли широко взмахнуть руками и воспарить в небо.

В конце концов он подхватил с мостовой свою авоську и, звякая пустыми бутылками, побежал в сторону Грув-роад.

– Молодец, Томми! – миссис Уотс свесилась через подоконник и звонко хлопнула в ладоши, едва не выпав при этом из окна.

– Вы бы поосторожнее, миссис Уотс! – предупредил ее Том.

До его сознания не сразу дошел тот факт, что пожилая леди назвала его по имени! В то время как родные дядя и тетя не узнавали его!

– Вы помните меня, миссис Уотс?

– Еще бы мне тебя не помнить! – всплеснула руками женщина в окне. – Ведь это ты, сорванец, мне витрину крикетным мячом рассадил!

Верно, так оно и было!

Только случилось это лет пятнадцать тому назад.

Том взял велосипед, стоявший под навесом возле стены, перенес его через ограду и поставил на дорожку.

– Как дела, Томми?

Миссис Уотс успокоилась, легла грудью на подоконник и явно была настроена поболтать.

– Неплохо, миссис Уотс.

Том перешагнул через ограду и взял велосипед за руль.

– Куда собрался?

– К доктору Робертсу.

– Доктор Робертс... – судя по выражению лица миссис Уотс, она старалась, но никак не могла вспомнить человека с таким именем. – Он живет на Чепел-лейн?

– Нет, на Шекспир-стрит.

Том выкатил велосипед на дорогу.

Вся проезжая часть и тротуар напротив были засыпаны побитыми и поломанными вещами, что повыбрасывала из окон миссис Уотс, а также разрозненными предметами женского гардероба, от которых она тоже решила избавиться.

– Не помню такого, – покачала головой миссис Уотс. – Он недавно приехал в город?

Том на секунду задумался.

Доктор Робертс появился в городе вскоре после того, как Том переехал жить к мистеру и миссис Шепард. То есть почти одновременно с ним. Прежде Тому не приходила в голову мысль о том, что это ведь могло быть и не простым совпадением. Доктор Робертс никогда не скрывал, что из всех своих пациентов он особо выделяет Тома Шепарда.

– А он часом не китаеза? – не дождавшись ответа на предыдущий вопрос, задала новый миссис Уотс.

– Нет, – улыбнулся Том.

– Это хорошо! – одобительно кивнула старая леди. – А то в последнее время ну просто прохода нет от этих китаез!

– Я не встречал в городе китайцев, – возразил Том.

– Это потому, что они умело прикидываются англичанами! – назидательным тоном произнесла миссис Уотс. – Или немцами. Бывает, что индусами. Для того чтобы китаезу разглядеть, нужно зреть в самый корень! В самую его китаезскую душу заглянуть!..

Том решил перевести разговор на другую тему:

– Зачем вы выбрасываете вещи из окна, миссис Уотс?

– Да потому что они все сделаны в Китае!

– Сейчас многие вещи делают в Китае.

– А ты знаешь, чем опасны вещи из Китая?

– Нет.

– А я вот только сегодня прочитала в «Сан», что китайцы используют ядовитые красители! А еще в их товарах содержатся свинец, асбест и полоний! И радиация у них повышенная! Поэтому тот, кто пользуется китайскими вещами, сам роет себе могилу! Запомни это, Томми!.. Твой велосипед часом не из Китая?

– Не знаю.

Том посмотрел на расколотую фигурку гвардейца в красном мундире, сделанную не иначе как тоже в Китае.

– Выясни, Томми! Непременно выясни! – строго погрозила ему пальцем пожилая леди. – А то ведь сам после жалеть будешь! Да только поздно «Боржоми» пить, когда почки отвалились!

– Что такое «Боржоми»? – удивленно спросил Том, никогда прежде не слышавший такой присказки.

– Что-то вроде бренди, – непринужденно взмахнула кистью руки миссис Уотс. – Только покрепче.

– Ну, я поеду, – Том перекинул ногу через велосипедную раму.

– Удачи тебе, Томми! – помахала ему рукой миссис Уотс.

– Вы все же будьте поаккуратнее, миссис Уотс, – посоветовал ей на прощание Том.

– Вот в чем меня никто и никогда не мог упрекнуть, так это в неаккуратности! – с вызовом вскинула острый подбородок пожилая леди.

Том улыбнулся, надавил ногой на педаль и сел в седло.

Из всех ненормальных, что он уже видел сегодня, миссис Уотс была самой нормальной. Ну, или, по крайней мере, казалась такой.

Глава 8

Том медленно ехал посередине улицы. Он не хотел, чтобы какой-нибудь безумец неожиданно выбежал на дорогу и бросился ему под колеса.

Машин, судя по всему, можно было не опасаться.

Том встретил несколько машин. Все они были крайне неудачно припаркованы и брошены с распахнутыми дверцами. Некоторые тарактели невыключенными моторами. Как будто готовы были в любую секунду сорваться с места и устремиться в неведомо-бесконечную даль.

Можно было подумать, что все жители города разом разучились водить.

Ярко-красная машина с откинутой назад крышей проломила живую изгородь возле дома мистера О'Лири.

Серый «Мерседес» выехал на крыльцо дома миссис Глоур, ткнулся фарами в дверь и задрал кверху бампер, как будто пытался дотянуться до колокольчика. Том подумал, что «мерс» был похож на гостя, который, разодевшись, пришел на званый ужин и оказался перед запертой дверью. Теперь он в растерянности переминался с ноги на ногу, не зная, как поступить – продолжать дергать за цепочку колокольчика, надеясь, что хозяйева чем-то сильно заняты, а потому и не слышат его звонок, или же, сочтя себя обиженным, развернуться и уйти с независимым и гордым видом, как будто он и не собирался вовсе в гости, а просто проходил мимо.

Том настолько живо это представил, что машина на крыльце и в самом деле чуть приехала на задние колеса, сильнее задрала вверх передний бампер и потянулась к звонку правым передним колесом!

Все! Довольно!

Том быстро перевел взгляд на другую сторону улицы.

Фантазии следует держать под контролем.

Иначе они оживут и превратят жизнь в крошечный ад.

В который уже погрузились все остальные жители города.

Хотя сами они о том даже не подозревают.

Безумцы живут в радужном пузыре собственных фантазий, не ведая, что за его стенками существует иная жизнь.

А что, если и доктор Робертс?..

Нет, об этом лучше не думать.

Нужно, как учил доктор Робертс, настроить себя на позитив.

Мистер Робертс врач и к тому же очень умный человек. Он сразу должен был заметить, что происходит что-то неладное, и принять все необходимые меры. Сделать себе какой-нибудь укол, проглотить сильнодействующее лекарство... Надеть, в конце концов, медицинскую маску, как во время эпидемии гриппа!..

Определенно, доктор Робертс сумел о себе позаботиться.

И он обязательно поможет Тому привести в порядок тетю Мэгги и дядю Боба.

Том объехал бирюзовый «Седан», стоявший прямо посреди дороги с распахнутыми настежь дверцами и покоруженным передним бампером. Как будто машина во что-то врезалась. Справа, со стороны водительского места лобовое стекло было покрыто частой сеткой трещин, разбегающихся от центра, подобно нитям паутины. С внутренней стороны по разбитому стеклу была размазана темная краска.

Или...

Тому не хотелось верить, что это была кровь.

Притормозив, он заглянул в салон машины.

Щиток приборной панели, обтянутый светло-серой искусственной кожей, и водительское сиденье также были испачканы... Да, определенно это была кровь. Причем совсем свежая.

Машина была пуста. Следовательно, пострадавший смог выбраться из нее и уйти. Возможно, ему помог кто-то из пассажиров – задние дверцы были распахнуты, значит, через них выходили люди. Вот только смог ли кто указать им, где находится госпиталь?

Том посмотрел по сторонам, но никого не увидел.

Люди смогли выбраться из машины и куда-то ушли. Можно было надеяться, что дела их не так уж плохи.

Мистер Дженкинс, заглядывавший порой к дяде Бобу, чтобы сыграть партию-другую в шахматы, любил повторять: «Если у человека есть ноги, он непременно куда-нибудь дойдет. А куда – не так уж и важно».

Объехав машину, Том увидел туристический автобус, застрявший на перекрестке Гринхилл-стрит с Виндзор-стрит.

Проломив живую изгородь и повалив пару кленов, автобус лобовым стеклом уперся в стену дома на углу, а задней частью завалил на мостовую фонарь. Из радиатора автобуса валил густой белый пар, с ядовитым шипением прорывающийся через защитную решетку.

На крыше автобуса неподвижно лежали двое человек.

Том страшно перепугался, решив, что это тела пострадавших в аварии.

Вот только как и зачем они забрались на крышу?

Чтобы привлечь к себе внимание?

Но тогда уж надо было прыгать, размахивать руками и звать на помощь, а не лежать, раскинув руки и ноги в стороны.

Станным казалось и то, что на обоих не было верхней одежды.

С того места, где остановился Том, улица шла под уклон, поэтому ему было очень хорошо видно, что на мужчине темно-синие плавки, а на женщине розовый в белую полоску купальник-бикини.

Том все еще не мог решить, что ему делать, как вдруг мужчина приподнялся, дотянулся рукой до стоявшей неподалеку от него туристической сумки и вытащил из нее большой красный флакон. Выдавив из него крем в подставленную ладонь, он сначала потер ладони одна о другую, а затем принялся размазывать крем по спине своей спутницы.

Том онемел от изумления.

Они делали вид, что загорают!

Вернее, они были уверены, что загорают.

И, скорее всего, считали, что место для этого они выбрали самое подходящее!

Том оттолкнулся ногой от мостовой, и велосипед, медленно набирая скорость, покатиł вниз по улице.

Случайно посмотрев направо, Том встретился взглядом со странным существом, в котором не сразу признал человека.

Незнакомец пристроился на крыльце дома, прямо под табличкой, прибитой к двери, на которой было написано «Нотариус И. М. Вудроу».

Том несколько раз видел мельком мистера Вудроу. Когда тот выходил из такси, неизменно с большим желтым портфелем с двумя ремешками, с длинным, похожим на трость зонтом, и, придерживая рукой старомодную фетровую шляпу, быстрой походкой направлялся к крыльцу. Или же, наоборот, когда мистер Вудроу выходил из дверей своего дома и быстро шел к уже поджидающему его такси. Ни в окрестных магазинах, ни просто прогуливающимся по улице, как это часто делали другие жители Гринхилл-стрит, Том мистера Вудроу не встречал. Однако он готов был поспорить на спрятанный под кроватью ноутбук, что человек, пристально смотрящий на него с крыльца, – это не нотариус И. М. Вудроу. И даже не его секретарь, порой забегавший к нотариусу домой с бумагами, которые требовалось срочно заверить.

Незнакомец сидел в классической позе лягушки. Колени его были широко разведены в стороны, ягодицы почти касались ступени, а руки свисали вдоль туловища, упираясь полу-согнутыми пальцами в камень. Во всем положении его тела ощущалось скрытое напряжение. Казалось, он в любую секунду мог распрямить колени и метнуться в сторону.

У человека были светло-русые всклокоченные волосы. Левую щеку пересекала длинная, глубокая царапина, из которой сочилась кровь. Рубашка и брюки незнакомца были подраны и покрыты мерзкими бурыми пятнами. На ногах обуви не было – только полосатые носки с прорехами, из которых торчали большие пальцы.

Незнакомец внимательно наблюдал за Томом, но при этом взгляд его казался от всего отрешенным и абсолютно пустым, не выражающим ни мыслей, ни эмоций. Во взгляде удава, которого Том видел в Лондонском зоопарке, и то было больше жизни.

Быть может, незнакомец был одним из пассажиров попавшего в аварию автобуса. Возможно, он не знал ни слова по-английски. Но Тому странный незнакомец показался похожим на персонажа одного из фильмов про нашествие зомби. Поэтому Том не стал выяснять, что с ним приключилось и не может ли он ему чем-то помочь, а сильнее надавил на педали.

Когда Том объезжал автобус, его окликнул мужчина с крыши.

– Эй! Приятель!

Том притормозил.

– Ты дельфинов не видел?

Мужчина говорил с ярко выраженным шотландским акцентом, поэтому Том решил, что он шутит. Как говорит тетя Мэгги, шотландцы умеют драться, но не умеют шутить, однако считают себя заправскими остряками.

Том прищурился, думая, что бы сказать в ответ такое же остроумное?

Но мужчина, похоже, не шутил.

– Уилма мечтает посмотреть на дельфинов, – взглядом указал он на спутницу. – Нам сказали, что здесь их полно! Собственно, только из-за них мы и приехали!

– А вам не холодно? – поинтересовался Том.

– Да ты что! – радостно раскинул руки в стороны шотландец. – Отличная погода!

Погода и в самом деле была замечательная.

Для середины сентября.

– Так как насчет дельфинов?

– Не видел, – мотнул головой Том.

– Тогда что тут есть интересного?

– Дом, где родился Шекспир.

– Шекспир?.. – шотландец озадаченно поскреб ногтями голую грудь, на левой стороне которой находилась татуировка – три карты, раскинутые веером, и голова джокера в колпаке с тремя концами, украшенными бубенчиками. – А он-то тут при чем?

– Не знаю, – честно признался Том.

И поехал дальше.

Шотландец озадаченно посмотрел ему вслед.

– Придурок какой-то, – сообщил он своей спутнице.

Глава 9

Виндзор-стрит, улица, на которую свернул Том, была вдвое шире Гринхилл-стрит, по которой он до этого ехал.

Соответственно и движение на ней было более оживленное.

Было.

До того, как все случилось.

Сейчас улица напоминала автомобильную свалку.

Хотя даже на свалке старые, побитые машины составляют в определенном порядке.

На Виндзор-стрит машины пребывали в состоянии абсолютного хаоса. Как будто внезапно налетевший смерч поднял их в воздух, как следует раскрутил, перемешал, встряхнул, еще раз перемешал, после чего как попало побросал на дорогу.

Машины стояли, уткнувшись друг в друга, словно пытались протолкнуться вперед. Некоторые въехали в изгороди, вмялись в стены домов.

У одних были разбиты стекла, у других – открыты багажники и крышки капотов. Третьи все еще продолжали рычать, будто раненые звери, смрадно чадя выхлопными газами.

Но все они были неподвижны.

Как будто игравший с ними смерч вырвал из-под капотов их сердца.

Лишь одна светло-салатовая «Вольво» нервно дергалась, ударяясь в борта перекрытых ей движение машин.

И совсем издалека, с другого конца улицы, доносилось истеричное кваканье клаксона.

Как будто кто-то звал на помощь.

Или, наоборот, требовал, чтобы его оставили наконец в покое.

И не разберешь.

В мире, сошедшем с ума, привычные, казалось бы, понятия утратили всякий смысл, а смыслы поменялись местами.

Все запуталось.

И запуталось весьма основательно.

Так что сразу и не поймешь, с чего начинать, если вдруг захочешь в чем-то разобраться.

Если Гринхилл-стрит выглядела опустевшей, то на Виндзор-стрит царили совершенно бестолковая суэта и крайне нездоровое возбуждение.

Людей на улице было не так уж много, но им удавалось создать эффект присутствия огромной толпы. Все они что-то кричали, непонятно к кому обращаясь, размахивали руками, бегали, прыгали по крышам машин, кидали что попало в окна домов, которые и без того уже почти все были выбиты. Казалось, каждый старался привлечь к себе внимание остальных.

По счастью, до рукоприкладства дело пока не доходило. Но складывалось впечатление, что ждать осталось недолго. Уровень накала страстей явно приближался к критическому. А преддверием кошмара запросто могло послужить то, что беснующиеся люди и сами не знали, чего хотят. Они являли собой толпу в самом прямом, первозданном, грубом и дико примитивном смысле этого слова.

Хаос, словно водоворот, захватывал все, что оказывалось в пределах его активности. Он был настолько универсален и всеобъемлющ, что пытаться противостоять ему казалось абсолютно бессмысленной затеей.

Для того чтобы продрасться сквозь хаос, Тому пришлось спешиться.

Держа велосипед за руль, он медленно продвигался вперед, выискивая проходы между машинами. При этом он старался держаться правой стороны дороги, где народу было меньше, а потому спокойнее.

Это было похоже на поиски выхода из садового лабиринта. Только вместо аккуратно подстриженных кустов по обеим сторонам прохода громоздились груды покореженного железа. Но, как в любом другом лабиринте, самым главным здесь было не угодить в тупик. Иначе придется возвращаться назад. Либо перетаскивать велосипед через помятые капоты.

Том никогда не любил машины. И не понимал людей, готовых часами ковыряться в этих набитых хламом консервных банках.

Наверное, в больших городах машины были необходимы для того, чтобы вовремя попасть в нужные места.

Хотя, опять же, пробки...

В Стратфорде-на-Эйвоне проще было добраться куда следует на велосипеде. Ни тебе шума, ни вонючих выхлопов, ни муторного ожидания нужного сигнала светофора на перекрестке. Маленькие города определенно имеют свои преимущества. И если бы Тому пришлось выбирать...

Неожиданно открывшаяся дверца машины ударила Тома в бедро.

Ловко изогнувшись, из машины выскользнул высокий, очень худой мужчина лет сорока пяти. У него были длинный нос, впалые щеки и лысина, поднимающаяся вверх ото лба, которую он тщетно старался замаскировать, зачесывая вперед волосы с затылка. Он двигался, извиваясь всем телом, словно угорь. Что, вероятно, было очень удобно в ситуации крайней ограниченности пространства, подобной той, в которой он находился. Глядя на него, Том подумал, что человек-угорь мог легко просочиться не только сквозь салон неподвижно стоящей машины, но даже под ее днищем.

– Извините, – незнакомец обеими руками ухватился за руль велосипеда. – Мне нужен ваш велосипед.

Сказано это было на хорошем английском. Без тени улыбки на лице.

– Простите, но мне он тоже нужен.

Прижавшись спиной к красному «Форду», Том попытался обойти человека-угря.

Но тот и не думал сдаваться.

– Извините, мне очень нужен велосипед, – сказал он и потянул руль на себя.

– Отпустите, – недовольно посмотрел на него Том. – Это мой велосипед. И мне он тоже нужен.

– Вы, должно быть, не поняли, – не выпуская руль велосипеда из рук, едва заметно качнул головой человек-угорь. – Мне очень, очень, очень нужен велосипед. Он мне чертовски необходим!

Так.

Том прикусил губу.

Тощий, похоже, всерьез вознамерился завладеть его велосипедом.

Как бы поступил на его месте... ну, скажем, капитан Уолдо, командир звездных рейнджеров из двадцать седьмого сектора Галактики?..

Глаза Тома превратились в узенькие щелки. Как будто в лицо ему ударил ослепительный свет взорвавшейся сверхновой.

– Не нарывайся, – медленно процедил сквозь зубы капитан Уолдо.

Тощий крутанул головой из стороны в сторону. Так, будто она у него была на резьбе, как лампочка, и он проверял, хорошо ли она ввинчена.

– Сколько раз мне нужно произнести «очень», чтобы вы поняли, что мне на самом деле очень, очень, очень, очень нужен этот велосипед?

– Именно этот? – холодно, одними губами усмехнулся капитан Уолдо.

– Других здесь нет, – раздвинул губы в ответ человек-угорь.

– Так вот, – капитан Уолдо поднял руку, сжатую в знаменитый кулак, способный пробить трехслойную внутреннюю переборку космического корабля, и выставил из него указательный палец, которым и ткнул тощего в грудь. – Ты его не получишь.

– Эй! Не пори ерунду! – тощий на секунду спрятал правую руку за спину. А когда она снова появилась, в ней был зажат нож с очень узким, похожим на шило, лезвием. – Оставь велосипед и вали! А то дырок наделаю!

Такое обращение капитан Уолдо, разумеется, терпеть не стал.

Кулак, знаменитый на всю Галактику, ударил наглеца в грудь с такой силой, что тот перелетел через машину и упал на крышу другой, стоявшей за ней.

Так!

Отлично, капитан Уолдо, дальше мы уж как-нибудь сами.

Том подхватил велосипед за раму, перекинул его через бампер белой «Субару» и сам перепрыгнул следом.

Повторив этот маневр еще три раза, он решил, что человеку-угрю, даже если он уже пришел в себя, теперь его не найти, и вновь начал пробираться в сторону площади.

Ему удалось выбраться из кольца хаоса, более не прибегая к помощи капитана Уолдо.

Людам, с которыми он сталкивался, не было никакого дела ни до его велосипеда, ни до него самого. Признаков агрессии никто не проявлял. Хотя на лицах у многих было написано недовольство. И вооруженных среди них заметно не было.

Должно быть, разумом тощего человека-угря, покушавшегося на велосипед Тома, овладела какая-то в высшей степени необычная фантазия, совсем не похожая на те, с которыми носились остальные. Хотя что у каждого из них было на уме, вот так, с ходу, сказать было невозможно. А выяснять это у Тома не было ни времени, ни желания. Вот если бы он был врачом, лечащим разум, скопление людей, одержимых самыми разными фантазиями, несомненно, представляло бы для него профессиональный интерес. Но сейчас ему самому нужно было как можно скорее добраться до доктора Робертса, на помощь которого Том по-прежнему надеялся.

Быть может, еще до того, как все случилось, человек-угорь был негодяем и разбойником? В таком случае поделом ему досталось от капитана Уолдо. В другой раз умнее будет. Может быть.

Миновав пробку, Том снова сел в седло велосипеда и быстро поехал посередине проезжей части, объезжая изредка встречающиеся на пути брошенные машины.

Впереди продолжал отрывисто гавкать клаксон.

Мерно вращая педали, Том прикидывал, не стоит ли после визита к доктору Робертсу вернуться домой другим путем? Чтобы снова не пробираться через кладбище брошенных машин. Можно будет от памятника Шуту свернуть на Бирмингем-роад, а потом на Эрден-стрит. Дорога получится немного длиннее, но, если там не будет таких заторов, как на Виндзор-стрит, то до дома Шепардов они доберутся быстрее.

Тому очень хотелось надеяться на то, что мистер и миссис Картрайт все так же сидят в спальне, дожидаясь возвращения инспектора Осмонда, арестовавшего их за незаконный отстрел велоцирапторов.

Люди, которых Том встречал по пути, в большинстве своем не обращали никакого внимания на одинокого велосипедиста. Они были всецело поглощены своими собственными делами, странными и непонятными. Лишь изредка провожали Тома пугающе безразличные взгляды. Как будто он был не живой человек, а призрак из иного мира, скользнувший мимо безликой тенью и исчезнувший навсегда. Непонятно, зачем пришел, неясно, куда удалился, и неизвестно, явится ли когда снова.

Сначала Том увидел двух мужчин среднего возраста, стоявших у крыльца, по обеим сторонам от которого росли ухоженные рябины. Правая нога одного из них была накрепко привязана веревкой к левой ноге другого. В правой руке у одного был зажат строительный молоток,

в левой руке другого – небольшая садовая мотыга. Поочередно они наносили удары своими инструментами по лежащему у их ног матрасу в сине-белую полосу.

Потом Том увидел человека, который, будто сомнамбула, шел по коньку крыши трехэтажного дома. Он шел спокойно и уверенно, словно по вымощенной дороге. Взгляд его был устремлен не под ноги, а вдаль, как будто он знал, что там находится конец радуги, у которого Лепреккон зарыл свой горшок золота. Руки его были засунуты в карманы длинного черного плаща, плотно запахнутого и подвязанного поясом. Из-под плаща виднелись голые, босые ноги, худые, как палки, и белые, как бумага. До конца крыши ему оставалось пройти не более пяти шагов.

Том решил, что, дойдя до конца крыши, человек повернет назад. Потому что так поступил бы всякий разумный человек. И потому, что Том все равно не знал, как предотвратить несчастье, которое могло случиться. Говорят, что окликнуть сомнамбулу – это самая плохая идея из тех, что приходят в головы тем, кто пытается им помочь. А что еще мог сделать Том?

Переведя взгляд на другую сторону улицы, Том увидел невысокую, сухонькую, как корешок, старушку, выкатывающую плотно набитую сумку на колесиках из дверей продуктового магазина.

Ну вот, хотя бы один разумный человек среди поголовного безумия!

Конечно, старушка поступила очень неплохо, если ушла из магазина, не оплатив покупки. Но даже так в действиях ее было куда больше смысла, чем в том, чем были заняты остальные.

Старушка подняла палку, на которую опиралась при ходьбе, и, скривив злобную физиономию, погрозила ею проезжающему мимо велосипедисту.

Том улыбнулся в ответ.

Старуху аж всю перекосило от злости. Она остановилась и вытащила из сумки большой блестящий револьвер.

Зажав палку под мышкой, старуха перехватила револьвер двумя руками и большими пальцами оттянула курок. Затем она чуть присела, развела колени в стороны и вытянула руки с револьвером перед собой.

Прищурился левый глаз и высунув кончик языка, она принялась ловить Тома на мушку.

Том не на шутку струхнул, увидев, с каким профессионализмом обращается с оружием старая леди. Чтобы не красоваться мишенью на мушке, Том принялся со всем усердием крутить педали.

Но далеко уехать ему не удалось.

За спиной громыхнул выстрел.

Стая ворон взлетела с крыши окрестных домов и деревьев и подняла всполошенный гвалт.

Пуля, щелкнув об асфальт, срикошетила и пробила аккуратную круглую дырку в крыле голубого «Пежо».

Том резко вывернул руль влево, прыгнул с велосипеда и залег за машиной.

Поездка, представлявшаяся ему простой, как пятипенсовая монета, складывалась не самым лучшим образом. На этот раз его спасло только то, что револьвер оказался слишком тяжелым для старческих рук и в момент выстрела ствол ушел вниз. А опыт стрельбы у старухи, несомненно, имелся. Кто знает, может быть, в молодости она служила в SAS? Или в SBS? Или в каком-то другом подразделении, готовящем командос? И, может быть, именно сейчас она неслышно, как индеец, подбиралась к машине, за которой спрятался Том, чтобы одним точным выстрелом в упор прикончить придуманного врага?

Что нужно было сделать, чтобы избежать встречи с ней? Том лихорадочно соображал. Кто мог ему помочь?

Тень! Разумеется!

Солнце было скрыто облаками – значит, Тень будет совершенно незаметна!

Так.

Тень выскользнула из-за машины, готовая в любую секунду метнуться в сторону и раствориться в тусклом свете серого осеннего дня.

Но, как оказалось, инцидент был исчерпан.

Опираясь на палку, старуха ковыляла по тротуару прочь от места, где устроила стрельбу. Тяжело переваливаясь с боку на бок, она упорно волокла за собой тяжелую, туго набитую сумку, в которой поверх остальных вещей лежал большой, серебристый револьвер.

«Старуха ограбила магазин, – подумала Тень. – Что за времена? Никому нельзя доверять».

Тень наклонилась и подняла велосипед.

Том сел в седло, поставил ноги на педали и принялся крутить их что было сил.

Он больше не смотрел по сторонам и не собирался останавливаться, что бы ни произошло. А то ведь, если и дальше так пойдет, он никогда не доберется до доктора Робертса!

Том лишь краем глаза взглянул на пятерых мужчин, дерущихся у дверей небольшого ресторанчика. Причина драки была ему неизвестна, и он не собирался ее выяснять. И все же ему показалось немного странным, что мужчины махали кулаками как-то очень уж вяло. Как будто эта драка продолжалась ужасно долго и всем уже успела до смерти надоеть. Однако остановиться дерущиеся не могли. Это было свыше их сил!

Почему?

Да кто ж их разберет!

Чуть дальше на глаза Тому попался человек, что лежал, свернувшись как пес, под красным почтовым ящиком с гербом Королевской почтовой службы. Но и тут Том не стал останавливаться. Человек мог просто так прилечь на мостовую. По нынешним временам в этом не было ничего необычного. Он мог считать себя собакой. И Тому вряд ли удалось бы его переубедить. Потому что собаки не понимают человеческую речь. А может быть, человек был мертв. Такое тоже вполне могло случиться. Люди порой умирают. И с этим, увы, ничего невозможно поделать. Если бы кто-то нашел средство, дарующее вечную жизнь, то тем самым он лишил бы человечество одного из двух основных литературных сюжетов. Шекспир после этого стал бы мало кому интересен. А слова «Горацио, я гибну!» сделались бы пустыми, как брошенная в урну пивная банка.

Том притормозил только возле площади Шута.

В топографическом плане никакой площади не существовало. Было лишь место, где пешеходная Хенли-стрит встречалась с проезжей Виндзор-стрит. Площадью называли это место туристы, неизменно назначавшие местом сбора после прогулок по городу памятник Шуту, стоящий в самом начале Хенли-стрит, в девяти шагах от дома Шекспира. Дом именовался Нью-Плейс и некогда был второй по величине дом в Стратфорде-на-Эйвоне. В доме по сей день стояла та самая знаменитая «вторая по качеству кровать со всеми принадлежностями», которую Великий Бард завещал жене.

За пересечением двух улиц находилась автобусная остановка. В которую въехал большой, черный, блестящий черным лаком и серебристыми вставками внедорожник. Именно он издавал режущие слух отрывистые, гавкающие звуки, которые были слышны на другом конце улицы.

Этот мерзкий вой уже изрядно надоел Тому. Поэтому, прежде чем двигаться дальше, он решил отключить автомобильную сирену.

Том полагал, что сделать это будет не слишком сложно. Главное, чтобы никто не помешал.

С того места, где Том остановился, не было видно ни одной живой души. И все же на всякий случай, чтобы зря не рисковать, он решил снова послать вперед свою Тень.

Тень поставила велосипед у фонарного столба и незаметно скользнула вперед.

Быстро добравшись до постамента памятника, она замерла и огляделась.
Все было тихо.

Так можно было сказать, если забыть о надрывающемся внедорожнике.

Другими словами, никого поблизости не было.

Так же быстро и незаметно Тень вернулась назад.

Том взял велосипед за руль, поставил одну ногу на педаль и, отталкиваясь другой, не спеша покатил вперед.

Возле памятника он притормозил. Ему показалось, что он заметил какое-то движение в окне дома на другой стороне улицы.

В окне второго этажа стоял человек.

Блики на оконном стекле не позволяли рассмотреть его как следует.

Том не мог даже с уверенностью сказать, был ли это мужчина или женщина.

Человек в окне активно жестикулировал. Как будто хотел привлечь к себе внимание.

Хотя не исключено, что он просто делал гимнастику.

А может быть, танцевал. Танцы ведь бывают разные.

Или от нечего делать размахивал руками.

С некоторых пор стало трудно находить простые и однозначные объяснения тому, что происходило вокруг. Все представлялось не таким, каким являлось на самом деле. Самые простые вещи могли вдруг оказаться загадочными и необъяснимыми. И наоборот, то, что казалось сложным, на самом деле не стоило внимания.

Том поднял руку и помахал человеку в окне.

Так, на всякий случай.

Тот либо не заметил его, либо не придавал его жесту никакого значения.

Ладно, Том тоже решил не придавать значения тому, что происходило в доме напротив. В конце концов, он понятия не имел, что именно там происходило. Быть может, человек в окне каждый день проделывал подобные упражнения. В любом случае у Тома не было никаких оснований навязывать человеку за стеклом свое общество. Делать это не позволяли элементарные правила приличия. Даже если человек ведет себя неадекватно – это его личное дело. Воспитанный человек должен сделать вид, что не замечает ничего необычного. Этому учила Тома тетя Мэгги. А тетя Мэгги знала практически все о правилах хорошего тона. В этом Том был уверен. Поэтому он снова оттолкнулся ногой от мостовой и поехал дальше.

Колесо велосипеда ткнулось в дверцу внедорожника.

Том спрыгнул на мостовую и сделал шаг вперед.

Едва заглянув в открытое окно машины, он отшатнулся назад.

На водительском месте, сгорбившись, уткнувшись лбом в рулевое колесо, сидел человек. Из-за чего, собственно, машина и завывала с таким отчаянием, будто пыталась предупредить всех вокруг о том, что мир сошел с ума! Ну, или находился на грани нервного срыва.

Поза человека в машине была не просто неподвижной – она была абсолютно безжизненной. А потому казалась неестественной. Такую позу мог придать своему творению скульптор, заботящийся в первую очередь о композиционном решении.

Так, например, знаменитый роденовский «Мыслитель» сидит в позе, которую не в состоянии долго сохранять ни один человек. Да и просто принять ее сможет далеко не каждый. Но Родену до этого не было никакого дела – он создавал произведение искусства.

Человек за рулем был похож на манекен, который кто-то попытался усадить за руль. Но пластиковая копия человека не удержала равновесия и завалилась вперед, уткнувшись лбом в руль.

Не могло быть никаких сомнений в том, что человек за рулем мертв. И все же, собравшись с духом, Том протянул руку и прижал пальцы к его шее. Так всегда поступали полицейские в кино, когда хотели удостовериться в том, что жертва преступления мертва.

Кожа на шее водителя внедорожника была еще теплой. Ну, может, только чуть холоднее, чем следовало бы. Самую малость.

Для сравнения Том другой рукой коснулся своей шеи.

Трудно сказать, была ли какая-то разница. Но если человек умер недавно, то тело его еще не успело остыть.

Пульс Том не смог нащупать ни на шее водителя, ни у себя. Наверное, для этого требовался определенный навык.

От истошного воя, что продолжала издавать машина, у Тома уже начала кружиться голова. К тому же он не слышал, что происходило вокруг. А это значит, кто угодно мог подкрасться к нему незаметно. И если еще вчера «кто угодно» означало «один из жителей города» или «кто-то из туристов», то сегодня это означало именно «кто угодно».

Том положил руку водителю на плечо и, стиснув зубы, потянул за него.

Тело поддалось на удивление легко. Оно почти упало на спинку сиденья. Голова откинута назад так, будто шея переломилась. Челюсть отвалилась вниз. Из рта вывалился темно-фиолетовый язык.

Том в ужасе отпрыгнул назад. Зрелище было не столько страшное, сколько омерзительное.

Зато душераздирающий машинный вой наконец-то прекратился.

Наступившая вдруг тишина показалась Тому неестественной. Как будто он оказался под водой. Или весь город ушел под воду.

Том завороченно посмотрел по сторонам.

Не хватало только рыб, медленно, будто в танце, двигающих веерами плавников и безмолвно разевающих губастые рты. Но, постаравшись, Том мог вообразить этих рыб, плящущихся на него круглыми, удивленно выпученными глазами, не понимающих, что он делает здесь, под водой. Это было совсем не трудно. Рыбы хотели бы с ним подружиться. Но им казалось немного странным то, что человек находится под водой и не испытывает при этом никаких неудобств. Том мог бы объяснить им, что происходит, но, к сожалению, он не знал языка рыб.

Очень длинная, плоская, будто сжатая с боков рыба, похожая на шарф, который можно несколько раз обмотать вокруг шеи, обернулась вокруг пояса танцующего на высоком постаменте Шута, скользнула по его левой ноге, коснулась плавниками и хвостом постамента и, извиваясь всем телом, словно парящая в воздухе лента, поплыла над асфальтом мостовой.

Проследив за ней взором, Том вдруг увидел такое, от чего на него будто мертвенным холодом пахнуло.

Рыбы разом все исчезли.

Том остался один.

В звенящей пустоте.

Глава 10

Шут стоял на одной ноге, вскинув другую, согнутую в колене, в насмешливом танце. Правая рука его была заведена за спину, в левой он держал погремушку в виде насаженной на палку головы шута, в таком же, как у него, дурацком колпаке с тремя концами, к каждому из которых пришит бубенчик.

Лицо Шута было обращено в сторону Хенли-стрит.

Том же все время смотрел на него со спины.

И только сейчас, оказавшись на углу перекрестка Хенли-стрит и Шекспир-стрит, он увидел то, что находилось перед постаментом.

Это была большая черная лужа, растекшаяся по мостовой, с неровными, постоянно меняющимися свои очертания краями.

Том видел нечто подобное в телепередачах, рассказывающих о Сезоне Катастроф. Черные кляксы с постоянно меняющимися, как у амебы, краями. Их называли пространственно-временными разломами. И они неизменно присутствовали в центре любой аномальной зоны.

Оставив велосипед возле умолкшего внедорожника, Том подошел к памятнику и остановился в двух шагах от разлома.

Поверхность пятна казалась маслянисто-гладкой. На ней не отражался ни единый световой блик. Падавшие на нее лучи света будто проваливались в черную бездну. И почему-то не возникало сомнений, что то же самое произойдет с любым материальным предметом. Разлом поглотит все. Такова его физическая природа.

Внешние контуры разлома медленно меняли свои очертания. Плавные изгибы плыли вдоль его краев. Как будто черное пятно пыталось ползти по мостовой, но что-то удерживало его на месте.

Том сделал шаг вперед и присел на корточки на самом краю разлома. Изогнутый край пятна то подкрадывался к носкам его мокасин, то откатывался назад. Это было похоже на движение волн на песчаном берегу во время прилива.

Том протянул руку. Ладонь его замерла в сантиметре от непроницаемо-черной поверхности. Хотя, может быть, это была вовсе и не поверхность, а дыра. Провал, уходящий в бездну пространства и времени. Упав в нее, будешь падать миллионы и миллионы лет. И так никогда и не достигнешь дна.

Падение сквозь пустоту.

Скольжение по черному боку бесконечности.

С такой безумной скоростью, что время обращается в ничто.

Том почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он резко отдернул руку и зачем-то еще вытер ладонь о штанину.

Так, значит, Стратфорд-на-Эйвоне оказался в аномальной зоне. Именно из-за этого все сошли с ума.

Наверное, можно сказать, что им повезло.

Том внимательно следил за сообщениями о Сезоне Катастроф, о том, как аномальные зоны захватывают все новые участки Земли. В других аномальных зонах случались вещи пострашнее тотального сумасшествия. Посреди города могла образоваться трещина в земной коре, из которой начинали бить фонтаны расплавленной лавы. На жилые районы мог обрушиться смертельный холод. Или метеоритный дождь. Невесть откуда могли появиться чудовища, каких никто никогда прежде не видел. Время могло сойти с ума. Пространство оказывалось способным завязываться в узлы.

Том еще раз провел ладонью по джинсам.

Определенно, им повезло.

Конечно, могло бы и больше повезти. Если бы аномальная зона образовалась где-нибудь вдали от города. Еще лучше – где-нибудь на континенте. Например, в Сибири. Там ведь полным-полно необжитых территорий. Тайга и болота. Там бы никто и не заметил эту аномальную зону. Поскольку все местные жители – только медведи.

Интересно, а медведь может сойти с ума?

И почему он сам продолжает мыслить ясно и трезво?

Может быть, есть и другие, на кого эта аномалия не действует?

Кстати, а как она воздействует на человека?..

Стоп!

Том сжал ладонями виски.

Слишком много вопросов.

Слишком много вопросов.

Нужно успокоиться.

Слишком много вопросов.

Нужно сосредоточиться на главном.

Если город оказался в аномальной зоне, значит, скоро должны появиться спасатели.

А что, если они тоже сойдут с ума?..

Наверное, их нужно предупредить.

Но как?

Никакие средства связи в аномальных зонах не работали – об этом Том читал на сайте, посвященном Сезону Катастроф. Информация была абсолютно достоверная. Да он и сам уже успел в этом убедиться.

Пытаться выбраться из аномальной зоны, скорее всего, было бесполезно. Он находился в самом ее центре, возле разлома. Размеры зоны могли достигать сотен километров. И кто знает, что еще творилось за пределами городской черты.

Тому почему-то представлялось, что за городом все должно быть еще хуже. Хотя причин так думать у него вроде бы не было. Во всяком случае, никаких реальных причин. А игра воображения – это только игра воображения. Которому мало кто придает значение.

Разве что доктор Робертс.

Так.

Том опустил голову и положил руки на колени.

У него был план.

И нужно было придерживаться этого плана.

Он расскажет доктору Робертсу про разлом, а доктор Робертс решит, что нужно делать.

Доктор Робертс не мог сойти с ума заодно со всеми. В этом Том ни секунды не сомневался. Доктор Робертс из тех людей, что всегда ко всему готовы. Если ему дают банку консервов – он достает из кармана консервный нож. К тому же он – врач. Он знает, как работает мозг. А знание дает преимущество в любой ситуации.

Вот если бы, к примеру, Том не знал, что у постаментов памятника Шуту растекся пространственно-временной разлом, он мог бы решить, что это всего лишь какое-то странное пятно. И не исключено, что ему могло бы прийти в голову наступить на него.

Вот и все.

Был Том – и нет его.

А все от незнания.

Том совсем уж было собрался вернуться к велосипеду, чтобы продолжить свой путь. Тем более что до дома доктора Робертса и ехать-то оставалось всего ничего. Как вдруг он заметил какое-то движение в палисаднике дома по четной стороне Хенли-стрит.

Или это ему померещилось?

Глава 11

Том замер, продолжая делать вид, что с интересом рассматривает черное пятно на мостовой. На самом же деле он краем глаза пытался рассмотреть то, что привлекло его внимание.

Определенно это была не газета, принесенная ветром, и не пустой пакет из-под чипсов, брошенный в кусты невоспитанным экскурсантом.

Это было живое существо.

Вот только человек, присевший на корточки и приникший к самой земле, или собака?..

Пожалуй, все-таки человек. Собака не стала бы так долго оставаться неподвижной. Собаки любят бегать, прыгать, вилять хвостом. Даже если бы собака хотела напасть на Тома, она давно бы это сделала.

А человек...

Том сегодня повидал уже немало странных людей.

Именно поэтому он опасался человека, прячущегося в кустах.

Зачем он, черт возьми, там прячется?

От человека, прячущегося в кустах, можно ожидать всего, что угодно!

Любое неверное движение или резкий жест может спровоцировать того, кто сидел в кустах, скорчившись как зародыш.

С головой у этого человека, скорее всего, далеко не все в порядке. Он мог видеть перед собой то, чего Том даже представить себе не мог. Значит, и реакция его могла оказаться неадекватной. То бишь неправильной, с точки зрения Тома.

Несмотря на то, что ноги у него затекли и начали ныть в коленках, Том неподвижно сидел на корточках, лишь краем глаза наблюдая за тем местом, где, как ему казалось, притаился незнакомец.

Это было похоже на странную игру, когда каждый ждет, что соперник первым пошевелится.

Если, конечно, в кустах действительно кто-то прятался.

А что, если там никого нет?

Что, если Тому все это только почудилось?

Не так давно он видел рыб, плавающих вокруг Шута.

Разумеется, это он сам их придумал.

Но ведь он их видел.

Видел, по-настоящему!

Быть может, для того, чтобы избавиться от прячущегося в кустах незнакомца, Тому нужно было лишь убедить себя в том, что никого там нет?

Все очень просто.

Как говорит доктор Робертс, жизнь – это иллюзия, которая, соприкасаясь с реальностью, обращается в кошмар.

Том, как ни старался, никак не мог понять, что это значит. Но слова ему нравились. Будь его воля, он бы сократил высказывание доктора Робертса до абсолютного максимума: жизнь – иллюзия, реальность – кошмар.

Вот такой дзен, понимаешь!

Том немного подался вверх, развернул плечи, поднял руку и помахал человеку в кустах.

Только для того, чтобы убедиться в том, что его там нет.

В ответ незнакомец тоже приподнимается и вытягивает руку вверх.

Он не машет рукой, а держит ее прямо, как палку.

Тому становится не по себе.

А незнакомец встает в полный рост, поднимает вверх обе руки и цепляется ими за толстую ветку старой яблони. Как будто собирается на ней покачаться.

Незнакомец похож на странную помесь человека с какой-то рептилией.

Его тело как будто облито расплавленным светло-серым латексом. Который так и застыл, сплавившись с кожей. Так плотно, что можно было видеть движение каждой мышцы покрытого серой оболочкой тела. Даже черты лица не угадывались, а были ясно различимы. Как на гипсовой маске.

Если это был маскарадный костюм, то Том понятия не имел, кого он изображает.

Как человек вообще умудрился в него влезть?

Это же совершенно немыслимо!

На сером комбинезоне нет ни швов, ни застежек.

Он будто родился в этой шкуре!

Или свалился в чан с расплавленным латексом. Как какой-нибудь чокнутый супергерой. То есть свалился еще нормальным парнем, а вылез больным на всю голову супергероем. В костюме из серого латекса.

Интересно, он видит что-нибудь в этой маске? Или, может быть, он, как летучая мышь, ориентируется по звукам?..

Том снова помахал «серому».

В ответ тот выставил руку перед собой и нацелил на Тома указательный палец.

Жест не казался угрожающим. Скорее он был ненатуральный и вычурный. Так ведет себя на сцене плохой актер. Если ему нужно показать, что он страдает, он хватается за голову. А если нужно изобразить счастье – размахивает руками и растягивает рот до ушей.

Так. Все ясно.

Том поднялся на ноги.

Это кто-то из местных жителей, вообразивший себя супергероем. А может быть, чудовищем из Черной лагуны. Или человеком со звезды...

Без разницы!

Нужно убираться отсюда, пока он не вовлек Тома в свои игры.

Том беззвучно хлопнул в ладоши, развел руки в стороны, изобразил на лице сожаление и сделал шаг в сторону внедорожника.

Он только сейчас понял, насколько необдуманно поступил, оставив велосипед у машины. Если бы велосипед стоял возле постаменты, Том уже запрыгнул бы в седло и нажал на педали. «Серый», даже если он каждый день пробегал для тренировки восемь километров, ни за что бы не догнал его. А через три минуты Том затормозил бы возле дома мистера Робертса. И все было бы хорошо.

Все было бы просто замечательно.

Но «серый» метнулся вдоль живой изгороди, протестуяще взмахнул руками, а затем скрестил их над головой.

Том замер на месте.

Что ему нужно?

Дурацкая серая маска на лице превращала человека в живое воплощение бессмысленной бесчувственности. Он не мог внушить ни страха, ни радости, ни сочувствия.

Он был никакой.

Абсолютно никакой.

Просто «серый».

Похожий на манекен в витрине магазина.

Какие эмоции может вызвать манекен?

Ну, разве что только желание улыбнуться при взгляде на его пустое, бессмысленное, пластмассовое лицо с нарисованными глазами.

«Серый» сделал жест кистью руки, затянутой в серую перчатку.

Жест был настолько причудливый и ни на что не похожий, что у Тома даже догадки не мелькнуло, что бы он мог означать.

Хотя, конечно, жест мог и вовсе ничего не значить. Это могло быть нервное, рефлекторное движение.

– Вам нужна помощь?

«Серый» сделал отрицательный знак рукой – тут уже не могло быть никаких сомнений.

Почему он не говорит?

Маска мешает или он немой?

Может быть, это часть игры?

Кто знает, что творится сейчас у него в голове?

Что он видит вокруг?

Где он сейчас, по его мнению, находится?

– Извините, – предполагая, что «серый» лучше реагирует на жесты, чем на слова, Том провел перед собой открытой ладонью. – Я очень тороплюсь.

Он бросил взгляд на велосипед. До которого было не так уж далеко...

«Серый» вскинул руки, прося остаться.

– Я не могу, – Том с сожалением развел руки в стороны.

«Серый» ткнул в него пальцем.

Том непонимающе пожал плечами.

«Серый» нетерпеливо дернул кистью руки.

Что же он хочет?

Том озадаченно поджал губы.

Он и сам не заметил, как все же втянулся в игру, что навязал ему «серый».

А тот хлопнул в ладоши – ему не нравилась недогадливость Тома – и вновь ткнул в него вытянутым пальцем.

И тут Тома осенило!

«Серый» указывал вовсе не на него!

А на Шута, замершего в танце позади него!

Том обернулся и посмотрел на памятник.

«Серый» одобрительно кивнул.

Отлично!

Шут, как всегда, танцевал на своем пьедестале, вскинув вверх погремушку. Ну что тут скажешь? Дурак подобен солнцу, которое светит всем!

Том посмотрел на «серого», ожидая следующую подсказку.

Тот снова кивнул и ткнул пальцем в Шута.

Том сделал глубокий вдох и на выдохе надул щеки.

Может быть, «серый» хотел сказать, что он похож на дурака?

Ну ладно, и что с того?

Какой в этом смысл?

Хотя, конечно, глупо говорить о смысле в городе, где все сошли с ума.

Выходит, он все-таки дурак?

Все!

Том решительно взмахнул руками.

Пусть «серый» сам выясняет, кто здесь умный, кто шут, кто дурак!

А ему нужно ехать к доктору Робертсу!

Он и без того уже жутко опаздывал.

Тетя Мэгги и дядя Боб...

Тонюсенький лучик солнца каким-то образом сумел протиснуться сквозь затянувшуюся небо серую пелену. Он не коснулся даже, а слегка зацепил постамент памятника в том месте, где на него опиралась нога Шута, и тотчас же исчез, растворившись в небесной хмари. Но в тот момент, когда это произошло, на постаменте что-то блеснуло.

Том готов был поклясться, что видел это!

Постамент был каменный, и камень блеснуть не мог.

Так что это было?

Может, именно то, на что указывал «серый»?

Том посмотрел на своего молчаливого партнера по непонятной игре.

Тот стоял за живой изгородью, замерев в напряженной позе, словно в ожидании чего-то очень значительного, что могло произойти в любую секунду.

Глядя на него, Том подумал, что именно так выглядят зрители на премьере фильма, жмущиеся к турникетам в ожидании появления знаменитых актеров. Они словно боятся, что не узнают своих любимчиков, увидев их не на экране, а вживую, идущих по красной ковровой дорожке, расстеленной специально для них.

Тому и самому вдруг стало чертовски интересно, что это за штука лежит у ног Шута? Как она там оказалась? И почему «серый» не может сам ее достать?

Или это тоже часть игры?

Тогда он должен был хотя бы ознакомить Тома с правилами!

Том подошел к постаменту, привстал на цыпочки и вытянул шею. Глаза его оказались вровень с плоскостью, на которой стоял Шут.

Возле ноги Шута лежал какой-то небольшой, плоский, вроде бы металлический предмет. Что именно это было, Том так и не понял.

Глядя под ноги, Том осторожно приблизился к черному пятну на мостовой. Поставив правую ногу возле края разлома, так близко, как это только позволяли соображения безопасности, Том обеими руками ухватился за верхний край постамента, а носком левой ноги уперся в выступ в нижней части вделанной в постамент таблички, примерно в тридцати сантиметрах от земли. Как следует проверив носком выступ, Том собрался с духом и, на секунду прикрыв глаза, представил, что на пальцах образовались присоски, намертво прилипшие к постаменту.

Оттолкнувшись правой ногой от мостовой, Том резко подался вверх, выбросил левую руку вперед, схватил то, что лежало на постаменте, и, оттолкнувшись левой ногой от выступа, отпрыгнул назад.

Все получилось, как надо.

Том стоял на краю разлома, живой и невредимый, держа в руке тускло поблескивающую металлическую пластину, отливающую красноватым блеском.

Квадратная пластинка с аккуратно закругленными углами была размером с ладонь. Одна ее сторона была немного выпуклая, другая абсолютно плоская. На плоской стороне были вырезаны несколько пересекающихся под разными углами линий. На выпуклой стороне была изображена голова единорога. Рисунок был выполнен очень тщательно и точно, в реалистичной манере. Изображенная в профиль голова лошади с длинным, витым рогом, растущим из центра лба, была настолько выразительна, что, глядя на нее, легко было поверить в то, что художник рисовал ее с натуры. Развевающаяся грива, раздутая ноздря, вытарщенный круглый глаз, с опаской косящий чуть в сторону, – все говорило о том, что единорог был запечатлен на бегу. Как будто это был мгновенный фотоснимок, а не рисунок, очень аккуратно, со всем вниманием к деталям вырезанный, а может быть, вытравленный на поверхности металлической пластинки.

Хотя, возможно, рисунок был нанесен не вручную. Тому доводилось читать про методику перенесения самых сложных рисунков и даже фотографий на металлические поверхности с помощью электростатических зарядов и кислоты. Сначала металлическое изделие покры-

валось тонким слоем защитного вещества, не реагирующего с кислотой, затем с помощью электростатических зарядов, прожигающих защитный слой, на него копировался рисунок, ну а после этого оставалось лишь на требуемое время поместить вещицу в кислоту. В данном случае мастер, по всей видимости, скопировал рисунок лошадиной головы, а затем пририсовал к нему рог.

Хотя не исключено, что на оригинальном рисунке художник изобразил именно единорога.

Собственно, почему бы и нет? Художники любят рисовать невиданных зверей.

Наверное, несуществующие звери и диковинные чудовища вдохновляют художников.

Истинный творец лишь тот, кто может позволить себе заниматься тем, что все остальные считают чепухой.

Например, рисовать единорогов.

Разводить пауков в банках.

Считать горошины в тоненьких, заостренных на концах стручках цветного горошка.

Том обернулся и помахал «серому» зажатой в руке пластинкой.

Тот сразу же пришел в странное возбуждение. Плечи у него нервно задергались, как будто через них пропустили нешуточный разряд тока, а ноги подогнулись в коленях.

Впрочем, скоро он взял себя в руки. Причем в буквальном смысле – обхватил себя руками за плечи.

– Вам это нужно? – Том еще раз взмахнул пластинкой с головой единорога.

«Серый» утвердительно наклонил голову.

– Возьмете? – спросил Том.

«Серый» как будто пребывал в нерешительности.

Странно, что мешало ему выйти из-за кустов и забрать у Тома пластинку?

Когда не можешь найти ответы на самые простые вопросы, это настораживает.

– Я оставляю ее здесь, – Том положил пластинку на угол постамента.

«Серый» протестующе замахал руками.

Он делал это столь энергично, как будто принятое Томом решение ставило под угрозу его жизнь. А может быть, и жизнь Тома в придачу.

Тому совсем не нравилась такая ситуация.

Да и кому бы такое понравилось?

– Так что мне с ней делать?

«Серый» махнул рукой в сторону перекрестка, где Том оставил свой велосипед.

Он хотел, чтобы Том убрался?

– А что мне делать с пластинкой?

«Серый» принялся обеими руками рисовать в воздухе иероглифы.

Делал он это с такой умопомрачительной скоростью, что, даже если бы Том умел читать по-китайски, он бы все равно ничего не успел понять. Оставалось только призвать на помощь логику.

Странный чудак в сером комбинезоне не хотел, чтобы он оставлял пластинку с головой единорога на постаменте. И не желал забирать ее у Тома. При этом он предлагал Тому убраться восвояси. Получается, что Тому ничего другого не оставалось, как только забрать пластинку себе.

Собственно, Том не видел в этом ничего предосудительного – ведь это он достал пластинку с постамента. А кто и зачем ее там оставил – этого он не знал. И, может быть, «серый» здесь был совершенно ни при чем. Вся эта его странная жестикуляция наводила на мысль, что он крепко не в своем уме. Впрочем, как и все в этом городе. Так что вряд ли стоило ожидать от него какого-то более вразумительного ответа. Скорее уж Шут на постаменте заговорит и объяснит Тому, в чем тут дело.

Том посмотрел на Шута.

Тот, похоже, тоже не был расположен к беседе.

Шут делал вид, что все происходящее у подножия постамента его совершенно не касается.

Шут молча танцевал.

«Серый» так же безмолвно делал руками странные жесты.

Которые Том, как ни старался, никак не мог понять.

Странная игра «серого» наскучила Тому – он не видел в ней никакого смысла. Из-за нее он оставался на одном месте, а время между тем уходило.

Том сунул пластинку в задний карман джинсов, махнул «серому» рукой и пошел к велосипеду.

Едва Том сделал шаг, как «серый» тоже сдвинулся с места.

Оставаясь за живой изгородью, он перемещался в том же направлении, что и Том. Так что в конце концов они должны были встретиться на углу улицы. В том самом месте, где стоял разбитый внедорожник, возле которого Том оставил велосипед.

Тому это не понравилось, и он прибавил шаг.

«Серый» тоже зашагал быстрее.

Вот тут уже Том не на шутку испугался.

Он вовсе не хотел выяснять, что у «серого» на уме. Время и место для этого были ну совсем неподходящие.

Том сорвался с места и во всю прыть понесся к оставленному велосипеду.

«Серый» на секунду замешкался.

Должно быть, он не ожидал, что Том побежит.

А чего тогда он от него ждал?

Но в следующую секунду «серый» тоже рванул как заправский спринтер.

И все же Том оказался чуть проворнее.

Добежав до велосипеда, он схватил его за руль, дернул вверх, развернул на заднем колесе и побежал дальше в сторону Шекспир-стрит, катя велосипед рядом. Разогнавшись, он запрыгнул в седло и изо всех сил надавил на педали.

Выскочив из-за угла дома, «серый» кинулся за Томом. Он отчаянно взмахнул рукой, пытаясь схватить велосипед за багажник. Но ему не хватило полсантиметра. Сжав пальцами пустоту, «серый» споткнулся, упал и покатился по мостовой.

Оглянувшись, Том увидел, как «серый» обескураженно поднимается на ноги.

Том даже не пытался понять, что это было.

Что бы это ни было, оно осталось позади.

Так думал Том, крутя педали так быстро, как будто надеялся догнать упущенное время.

Глава 12

До дома доктора Робертса Том добрался за три минуты. Без каких-либо приключений. Хотя, если бы у него возникло такое желание, он смог бы их найти. Причем без особых усилий.

По пути ему встретились две разбитые машины и несколько человек в причудливых вечерних туалетах, которые они, по всей видимости, позаимствовали в магазине готового платья, в стеклянной витрине которого зияла огромная дыра.

Чуть дальше он увидел очень толстого мужчину с отвисшим животом, в плавках и с ластами на ногах. Он не спеша вышагивал по тротуару, высоко поднимая ноги, чтобы не цепляться ластами за мостовую. Когда Том проезжал мимо, человек в ластах помахал ему рукой и что-то крикнул. Том не стал останавливаться – за сегодняшний день он уже достаточно повидал чудачков и оригиналов. Сказать прямо – с него было довольно.

Остановившись возле дома доктора Робертса, Том поставил велосипед в палисадник, поглубже в кусты, чтобы он никому не бросался в глаза, взбежал по узкой каменной лесенке из четырех ступенек и поднял руку, собираясь нажать на кнопку звонка.

Но тут он обратил внимание на то, что входная дверь не заперта.

Дверь была приоткрыта всего на полсантиметра, так, что с улицы незаметно.

Дом доктора Робертса был почти такой же, как у Шепардов. Кухня со столовой и небольшая прихожая на первом этаже. На втором этаже две комнаты. В большой мистер Робертс принимал пациентов, в маленькой располагался его личный кабинет, который казался совсем крохотным из-за огромных, сделанных на заказ книжных шкафов, занимавших все стены: от пола до потолка. На третьем этаже находились спальня и небольшая кладовка, в которой хранился обычный домашний хлам. Три раза в неделю к доктору Робертсу приходила домработница – пожилая дама, живущая неподалеку. Она готовила ужин и убиралась в доме. В другие дни мистер Робертс ужинал в ресторанчике «Мясной домик» или в пабе «Герб старого герцога». Завтрак же он всегда готовил сам. Так же, как и сам всегда заваривал чай.

Том чуть больше приоткрыл незапертую входную дверь и осторожно заглянул в образовавшуюся щелку.

После того что произошло у него дома и свидетелем чего он стал на улицах города, Том ожидал увидеть все что угодно. Он даже не удивился бы, увидев живого носорога, стоящего в прихожей и меланхолично, как корова, пережевывающего жвачку. Если, конечно, носороги жуют жвачку. В последнем Том не был уверен. Хотя точно знал, что носорог – травоядное животное. И рог ему требуется вовсе не для охоты.

В общем, носорога в прихожей не было.

Так же, как не было там ничего иного, что могло бы повергнуть Тома пускай не в шок, так хотя бы в легкое недоумение.

В прихожей все было как обычно.

Чисто.

Прибрано.

Все вещи на своих местах.

Круглая вешалка с пятью рожками, на двух из которых висели любимые шляпы доктора Робертса.

Подставка для зонтиков у стены, из которой торчала изогнутая светло-серая ручка, имитирующая слоновую кость.

Том еще немного приоткрыл дверь.

И, подождав немного, просунул в прихожую голову.

– Доктор Робертс? – позвал он не очень громко.

Поскольку все же он без спросу вторгся в чужой дом, Том чувствовал себя неловко. Ему никто не ответил.

Том вспомнил про дверной звонок.

Рукой на шарив на стене круглую коробочку с выпуклой пластиковой кнопкой, Том надавил на нее.

Звонок задребезжал прямо у него над головой.

Да так громко, что Том едва не оглох. И тут же отпустил кнопку.

Сверху послышался неясный, приглушенный шум.

Скорее даже не шум, а звуки возни. Как будто кто-то очень большой, толстый и неловкий, одетый в тяжелую, длиннополую волчью шубу, в которой ему было крайне неудобно и очень жарко, с трудом полз по ковру. Который, в свою очередь, собирался широкими складками и мешал упираться коленями в пол.

Да, примерно такая картина мгновенно нарисовалась в воображении Тома, едва он услышал звуки, доносящиеся со второго этажа.

– Я вхожу! – громко произнес Том.

Несмотря на все странности сегодняшнего дня, он все же считал необходимым соблюдать правила приличия. Пусть хотя бы самые основные. Входить в чужой дом без приглашения было, разумеется, неприлично. Но, поскольку ему было необходимо войти, он, по крайней мере, громко заявил о своем намерении. И даже подождал, не последуют ли какие-либо возражения со стороны тех, кто находился в доме.

Никаких возражений не последовало, и Том переступил порог.

Прикрыв за собой дверь, он на секунду задумался, а затем прихлопнул ее так, чтобы щелкнул замок.

На улице творилось бог знает что, и неизвестно, кто мог забрести в дом. Наученный собственным опытом, Том склонялся к мнению, что случайных встреч лучше избегать. Поскольку далеко не все они оказываются приятными. Скорее даже в большинстве своем неприятные.

– Мистер Робертс! – громко позвал Том. – Миссис Хоуп! – так звали домработницу доктора Робертса.

На этот раз ответом ему стало сдавленное ворчание, доносящееся, опять же, со второго этажа. Звуки казались похожими на те, что издает человек, которому зажали рот.

Это Тому совсем не понравилось.

Это было похуже, чем носорог, пасущийся в прихожей, или толстяк в волчьей шубе, ползущий по ковру.

Том глянул по сторонам, ища что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие.

В глаза ему бросилась только ручка зонтика, торчащая из подставки.

Том выхватил зонт и взмахнул им как саблей.

Что ж, за неимением лучшего зонт вполне мог сгодиться.

Прежде чем подниматься наверх, Том заглянул в кухню.

Убедившись, что там никого нет и дверь на задний двор заперта, он поднялся по лестнице на второй этаж.

Двери в обе комнаты были открыты нараспашку.

В кабинете никого не было.

Доктор Робертс находился в приемной. Он сидел в своем широком кожаном кресле за большим двухтумбовым столом, за которым обычно выслушивал жалобы пациентов.

К лицу мистера Робертса было плотно прижато что-то вроде небольшой белой подушечки. Из-под которой были видны лишь глаза мистера Робертса. Да и те были полуприкрыты из-за того, что подушечка поднимала вверх нижние веки. Поэтому говорить что-либо о выражении лица доктора Робертса не имело смысла.

То, как странно выглядел хозяин дома, сразу же насторожило Тома.

Доктор Робертс взмахнул рукой, лежавшей на подлокотнике. Движение было вялым, замедленным, как будто мистер Робертс жутко устал или три дня не спал.

– Заходи, Том...

Звук голоса, проходивший сквозь прижатую к лицу подушку, был похож на шуршание плотной, ворсистой ткани. Вроде твида. Именно этот звук Том слышал, находясь внизу. Только на расстоянии он вообще не смог разобрать слов.

Держа зонт перед собой, Том настороженно сделал шаг вперед.

– Что происходит, мистер Робертс?

В комнате было очень душно, почти нечем дышать. При этом окно было плотно закрыто, а щели в раме плотно, в несколько слоев заклеены скотчем и лейкопластырем.

– Хотел бы я это знать, – вымученно усмехнулся врач.

А еще в комнате стоял какой-то совершенно омерзительный запах.

На столе перед доктором Робертсом лежала груда лекарств: таблетки, пузырьки с микстурами, ампулы. Многие блистеры были пусты, а ампулы – вскрыты. Острыми иглами топорщились с десятков использованных шприцов. На краю стола стояла полупустая бутылка виски. Рядом с ней – широкий, толстостенный стакан с остатками коричневатой жидкости на дне.

– Как ты себя чувствуешь, Том?

– Нормально...

Тут только Том понял, что в комнате жутко воняет мочой. Как в сортире на стадионе в день рок-фестиваля. Том сам никогда не бывал на больших стадионных концертах. Но он где-то вычитал такое сравнение: как в сортире на стадионе в день рок-фестиваля. И оно ему запомнилось. Наверное, потому что было исключительно точным.

– А как вы, мистер Робертс?

Врач поднял руку с разведенными, полусогнутыми пальцами и вяло помахал ею. При этом голова его начала клониться к левому плечу. Как будто он засыпал.

– Мистер Робертс!

Врач вскинул голову.

– Не могу сказать, что со мной абсолютно все в порядке... Но пока я еще кое-что сообщаю... Хотя и не очень здоров...

Врач прижал ладонь ко лбу.

Другой рукой он указал на кресло для посетителей.

– Присядь!

Это прозвучало как приказ.

И Том не посмел ослушаться.

Не зная, что делать с зонтом, он поставил его между ног и положил ладони на ручку.

Сказать по чести, мистер Робертс производил впечатление сильно пьяного человека. Полупустая бутылка виски как будто служила тому подтверждением. Но Том никогда прежде не замечал, чтобы доктор Робертс злоупотреблял спиртным. Вечером, после работы он мог пропустить стаканчик-другой в своем любимом пабе «Герб старого герцога». Но не более.

– Ты пришел пешком?

– Приехал на велосипеде.

– И что там? – мистер Робертс махнул рукой себе за спину, где находилось заклеенное окно.

– Ну...

Том задумался, не зная, с чего начать.

С миссис Уотс, выбросившей из окна все свои вещи?

Или с загорающей на крыше автобуса шотландской пары?..

– Коротко! – стукнул ладонью по столу мистер Робертс. – В двух словах... Чтобы я смог понять...

– Такое впечатление, что весь город сошел с ума.

– Понятно, – кивнул мистер Робертс.

Да так и остался со склоненной вниз головой. Как будто задумался.

– Мистер Робертс! – окликнул его Томас.

– Да! – резко вскинул голову врач.

– Я не знаю, что делать.

– Ну разумеется! – взмахнул обеими руками врач. – Думаешь, кто-нибудь знает?

– Я рассчитывал на вас, – уныло признался Том.

– Извини... – врач снова припечатал ладонь ко лбу. – Извини, Том... – он принялся рыться в грудe лекарств на столе. – Сейчас... – он вытащил какую-то упаковку, с трудом прочитал название лекарства и с раздражением кинул ее в общую кучу. – Сейчас я постараюсь привести себя в порядок... Хотя бы на время... Вот!

Доктор Робертс выдавил несколько таблеток из блистера, зажал их в щепоть и сунул руку под закрывающую лицо подушечку. Затем он плеснул виски в стакан, чуть приподняв подушечку, поднес стакан ко рту и залпом осушил.

Но это было еще не все.

Доктор Робертс распечатал новый десятикубовый шприц, надел на него иголку, наполнил содержимым трех заранее приготовленных ампул, выпустил воздух и с размаху всадил иголку себе в бедро. Прямо сквозь брюки.

Том невольно поморщился.

А доктор Робертс плавно выдавил содержимое шприца себе в мышцу. После чего выдернул иголку, бросив использованный шприц в общую кучу, и откинулся на спинку кресла.

– Три минуты... – едва слышно произнес он. – И я буду в форме... Только... Том!

– Я здесь!

– Не давай мне уснуть!

– А как я узнаю, что вы засыпаете?

– Говори что-нибудь... И если я перестану реагировать, тряхни за плечо... Или лучше ударь по лицу...

– У вас на лице подушка.

– Верно... Тогда хлопни по лбу... Или лучше дай подзатыльник...

– Хорошо, – согласился Том.

Хотя он с трудом мог себе представить, как дает подзатыльник доктору Робертсу.

– Говори!..

И Том начал рассказывать про то, что случилось с тетей Мэгги и дядей Бобом. Ведь он именно затем сюда и приехал – рассказать доктору Робертсу о том, что происходит дома, и получить от него какой-нибудь дельный совет. Правда, вторая часть плана теперь уже казалась Тому трудновыполнимой. Хотя доктор Робертс и считал, что с ним все в порядке... Ну, или почти все. Он, как и все в городе, находился под воздействием аномальной активности пространственно-временного разлома. Он не бредил, не страдал галлюцинациями, не перестал узнавать знакомые лица, но ударился в запой. К тому же приправлял выпивку изрядным количеством сильнодействующих медицинских препаратов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.